

ФИЗИКИ – ЛИРИКИ

Сборник стихотворений
сотрудников ОИЯИ

Дубна • ОИЯИ • 2002

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5
Ф50

Составитель *Т. Бек*

Физики — лирики: Сборник стихотворений сотрудников ОИЯИ / Сост. Т. Бек. — Дубна: ОИЯИ, 2002. — 168 с.: фото.

ISBN 5-85165-691-3

В антологию вошли стихотворные произведения, написанные в разные годы сотрудниками Объединенного института ядерных исследований. Сборник посвящен 45-летию ОИЯИ.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-5

© Бек Т., составление, 2002
© Объединенный институт ядерных исследований, 2002

ISBN 5-85165-691-3

ФИЗИКИ КАК ЛИРИКИ

Любая антология — условность, построена ли она на единстве места (скажем, «Поэты Крыма»), общности профессионального дела (ну, положим, «Стихи космонавтов») или принадлежности к теме (например, «Строки о любви»)… Авторские индивидуальности-то разные — и творческое «Я» всегда выламывается из любого «мы»: хор отдельных голосов, сведенных вместе постфактум, поет вразнобой. Увы.

Однако без антологий литературный процесс немислим — и *эта*, объединившая под одной обложкой стихотворцев «хороших и разных», родственных лишь по месту пребывания и по принадлежности к науке, но отнюдь не по стихотворной традиции и эстетике, — *эта* антология тоже имеет право на существование и на читательское внимание.

Физики Дубны (не будем спорить: «мистика места» существует и нашу жизнь таинственно окрашивает) как лирики! Кто бы мог подумать, что многие серьезные ученые знаменитого Объединенного института ядерных исследований одновременно и поэты, кто-то на высоком, профессиональном уровне, кто-то — ближе к дилетантизму и любительству, но все они пишут самозабвенно и без фальши. Впрочем, противопоставление этих двух ипостасей, закрепленное в знаменитом стихотворении Бориса Слуцкого «Физики и лирики», достаточно условно (сам Слуцкий прекрасно понимал неточность антитезы, а гротеск заострял нарочно, дабы встряхнуть и взбодрить заскучавших советских лири-

ков: «И в пегасовом полете / Не взлетают наши кони...»). Вспомним Лукреция, вспомним Ломоносова, в чьих мирах добрососедствовали обе стихии. Вот и Пушкин говаривал: «Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии».

А если ближе к современности, то мой друг, выдающийся нейробиолог, он же прекрасный поэт (лауреат премии имени Булата Окуджавы 2001 г.), Дмитрий Сухарев на вполне наивный вопрос: «А у вас научной и поэтической сферами заведуют разные участки мозга?» — ответил мне, ухмыльнувшись: «Скорее нет, чем да». И далее пояснил: лирическое и ученое *вдохновение* (его еще можно назвать *озарение.м*, *наитие.м* или *рабочей гипотезой*) имеют единую природу. Он даже еще лучше сказал: «Наверное, в самом деле научные и поэтические пироги пекутся в одной и той же печке».

С другой стороны, — перейдем наконец непосредственно к нашему сборнику — есть, конечно, и разница меж художественным образом и точной формулой, меж музыкальным ритмом и алгоритмом, меж метафорой и цифрой — и разница эта толкает ученого время от времени совершать побег в «страну стихов» (цитата из лирической миниатюры Алексея Сисакияна): «Здесь жизнь — строка, дыханье — рифма, / Сердцебиенье — ритм, угаданный меж строк. / И строгости здесь нету алгоритма, / А каждая неискренность — подлог...»

Чего-чего, а вот неискренности в этой пестрой книге нет начисто! Фальши, сервилизма, лукавства она лишена. Мне нравится жанровое разнообразие антологии, за которым стоит богатство человеческих типов, характеров, темпераментов. От элегии до эпиграммы, от альбомного послания до философского трактата, от шуточного акростиха до сюрреалистического верлибра. Есть тут даже лимерики (эти остроумные пятистишия переведены Генрихом Вар-

денгой с английского столь виртуозно и пластично, что не уступают по естественности его оригинальным стихам), есть и японские хайку, нежно *ородненные* Верой Черногоровой и преобразенные в русские трехстишия. На перекрестке науки, лирики и сатиры написаны стихи Герцена Копылова, чьи образы ироничны и парадоксальны: «Было дело на Луне. / Нуль женился на нуле...»

Тематический диапазон антологии велик и вместе с тем традиционен: это, собственно, весь мир в его неисчислимой многогранности. О, любовные страдания и восторги, разлука и надежда — этими мотивами антология переполнена. А еще — испытания в недрах дружества. Гражданский гнев и поиски экзистенциального смысла. Рождение и смерть... «Любовь к отеческим гробам», как сказал бы Пушкин, и любовь к «отчей» культуре... Кстати, пушкинских реминисценций в книге немало, есть отсветы из Тютчева, и Блока, и Мандельштама. А вот и портреты талантливых современников — Высоцкий, Ахмадулина...

Особо в этом контексте хочется отметить верлибр Николая Кульберга (он, брат наших дубненцев, живет во Франции и работает в ЦЕРН, а участие в настоящей антологии — его первая поэтическая публикация) в переводе М. Кучиной. Здесь горестно-победительный гимн Верлену, Рембо, Бодлеру звучит как страстная ода лирическому искусству вообще. «Я бы судил поэтов на золотом троне, / И я простил бы грехи всем проклятым поэтам / И всем поэтам — истинным служителям муз, / Всем, кто сохранил верность призванию...» Строки эти относятся и к сидящим на «золотом троне» лирического вдохновения авторам этой книги: поэзия не знает границ — ни в хронологии, ни в географии.

Сквозная нить, на которую нанизаны непохожие ритмы и просодии, — российский пейзаж, такой акварельный, такой изменчивый, такой духоподъемный... И все-таки, как сказано в «Стихах на знакомый мотив» Леонида Якутина:

Она начиналась со многого,
Красавица наша Дубна.
Но будет оценкой итоговой:
С людей начиналась она.

Людьми она и держится. Их поэтические голоса звучат со страниц антологии «Физики — лирики». Расслышать эти голоса во всей их непритворной честности и самобытности — это уже во власти читателя.

Татьяна Бек

ДМИТРИЙ БЛОХИНЦЕВ

1908–1979

Дмитрий Иванович Блохинцев — выдающийся ученый-физик, один из создателей современной атомной науки и техники, автор многочисленных монографий и классического учебника по квантовой механике. Научный руководитель работ по созданию первой в мире атомной электростанции в г. Обнинске и ее первый директор; организатор и первый директор ОИЯИ в Дубне. Герой Социалистического Труда, кавалер многих высших орденов СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, член-корреспондент АН СССР и академик АН УССР, член ряда зарубежных академий, президент Международного союза физиков, советник по науке при Генеральном секретаре ООН.

Феноменальная универсальность Д. И. Блохинцева проявилась не только в научной деятельности — он был оригинальным художником, философом, поэтом.

Любовь к поэзии он пронес через всю свою жизнь. Стихи его неоднократно публиковались в периодической печати.

ИДЕАЛ

По твоим следам божественным
Я иду из года в год
То средь радостей торжественных,
То мучительных забот.

Часто юношей восторженным
Под шептания мечты
На дорогах замороженных
Нахожу твои следы.

На свиданье невозможное,
Нетерпением горя,
За тобою мчусь встревоженный,
Тороплю уздой коня.

Часто ж странником измученным
По затерянным тропам
Я бреду среди замученных,
Чтобы пасть к твоим стопам.

Все заполнено туманами,
И неверны все пути.
В мире, созданном обманами,
Нет желания идти.

Но движением стремительным
Ты коня подводишь мне,
И опять твой рыцарь бдительный
За тобою на коне.

Вновь в мерцанье романтическом
Мир сверкает предо мной,
И душа стрелой готической
Вознеслася над землей.

* * *

Никто на свете не разбудит
Души, ушедшей на покой,
Но на Земле, тебе чужой,
Твои скитаться песни будут.

КОКШАГА

Я здесь один среди пахучих лип,
Средь сосен, кровоточащих смолой,
Под кроною дубов высоких,
Бреду чрез бурелом звериною тропой.

Здесь, в черном зеркале болота,
Средь лилий нежно белых,
Последний солнца угасает свет
И даль теряется в тенях неверных.

И только птицы крик да шорох зверя
Тревожно по кустам летит,
И через темную листву
Печальная звезда глядит.

Мне хорошо средь душных испарений,
Средь пряных запахов лесной глуши.
Я здесь один, бреду тропой звериной
Через бурелом в ночной тиши!

Софрино, 20.08.1937

КОНЬ

По синему полю
На солнечной воле
Красный конь,
По спине огонь.
Красный конь
 По лужам
 По зеркальным
 Копытами
 Дрызг,
 Дрызг,
 Дрызг.

Зеркала на тысячу
 Брызг!
 Брызг!

Свобода!
Гриву на ветер,
 На ветер хвост,
 Скачет под солнцем
На облачный мост.
 Свобода!
Коняга-миляга,
Быстрые ноги,
В загоне забросил
 Тяжелые дроги.
 Чудак. Удрал.
 Не человек,
 Не знал,
Зубрить не приходилось,
Что СВОБОДА есть
 Осознанная необходимость.

ГЕНРИХ ВАРДЕНГА

р. 1933

Генрих Людвигович Варденга — физик, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник. В ОИЯИ работает с 1965 г., до 1992 г. — в Лаборатории высоких энергий, в настоящее время — директор Музея истории науки и техники ОИЯИ. Помимо научных публикаций, является автором ряда научно-популярных статей и книги «Вселенная частиц» (совместно с Э. О. Оконовым. М.: Сов. Россия, 1972). Стихи Г. Варденги и его переводы с английского и грузинского стали публиковаться с 1969 г. — поначалу под псевдонимами — в детской, а затем и во «взрослой» периодике («Мурзилка», «Литературная газета», «Химия и жизнь», «Наука и жизнь», «Юность» и др.) и включаться порой в сборники и альманахи — в частности «...Если пелось про это» — Грузия в русской советской поэзии» (Тбилиси: Мерани, 1983) и «День поэзии-1989» (М.: Сов. писатель, 1990). Отдельными изданиями опубликованы два сборника детских стихов Г. Варденги: «Слепой дождь» (под псевдонимом Георгий Вардишвили. Тбилиси: Накадули, 1970) и «Стихи для детей» (М.: Радуга, 2000).

АЭРОДРОМ

Три сотни верблюдов продеты в иглу;
несется, летит караван;
тюками проносит белесую мглу
на взмыленных белых горбах.

Смеется, плюется, визжит аксакал,
хозяин горбов и глыб,
и плетки свистят и вонзают в закат
лиловый закал иглы.

Оглохшие рыбины ловят ртом
красные вопли жабр.
Вторые сутки аэродром
в дымную наледь вжат.

Мурлычет справочное бюро,
едва поводя хвостом.
Заляпан пеной февральских юродств
остекленелый дом.

Он дышит надрывно, как пылесос,
вбирая вселенский транзит,
и в коже оранжевых солнц
нетвердой ногой скользит.

Над гулом галерки большой леденец
висит штандартом побед;
Третий период, скоро конец,
и ночь без особых примет.

1978

ДОЖДЬ

Дождь опять к нам зачастил,
снова стал привычным гостем
и своих подарков горсти
высыпает на настил.

Надоедлив, но не скуп,
и топырятся карманы.
Напустил на нас туману
и на лес нагнал тоску.

Сам дурея от тоски,
он песку щекочет ноздри
и размытые, как воздух,
на стекло кладет мазки.

Клумбу, грядки и кусты
он размазал так неловко.
В перекрестье подмалевка
муха сонная грустит.

Он дает дурной пример —
через щели акварели
тянет сыростью и прелью.
Зря он вышел на пленэр.

Он и небо обратил
в отрицание и прозу.
Даже белизна березы
выглядит как негатив.

Этот тусклый натюрморт
как буквальность перевода,
в гроб готов вогнать природу —
так он вымучен и мертв.

Желтый сад пошел на спад,
и охвачено весельем
только то, что было серым, —
мыши, крыши и асфальт.

19 НОЯБРЯ

С утра — бело. Но день — погожий,
В лесу прозрачно и легко.
Лишь в легких сгустках облаков
да в листьях, липнущих к подошвам,
напоминанье о пороше.
И зелен ельник за рекой,
и вот буксир плывет порожний,
хотя пора и на прикол.

Зима пока еще за кадром,
но год идет как по заказу
приметливых календарей:
декабрь канючит у дверей
и поджигателем закатов
в кустах пускает снегирей.

Дубна, 1978

НОЧНАЯ ВЫЛАЗКА

С упорством пехотинским —
так в ночь уходит десант —
я сяду по-грузински
стихи тебе писать.

Закрой глаза, удача, —
веди меня на бой!
Нашарим то, что зрячий
не зрит перед собой.

Словарные редуты,
разведка сквозь века;
и я паду под утро,
не взявши языка.

И дым косматой буркой
сметет мои следы —
бумаги и окурков
обугленные рты.

* * *

На длинном стебле мой цветок
и я откину одеяло
и долгим взглядом Модильяни
пройдуь от головы до ног

И станет солнцем каждый блик
и слово станет междометьем
и я оставлю этот миг
эпиграфом к тысячелетьям.

ПИСЬМО В БОЛЬНИЦУ

Когда житье не клеится —
развлекься и рассеяься.
А если заболеетя —
хоть начитатяься всласть.

Мне хочетя надеятяься,
что хворь твоя — безделица,
случайная пришелица,
недолгая напасть.

В какое имя дымное,
как в платье древних римлянок —
торжественное, длинное,
она облачена?

Латынью этой выпрерней
приравненная к истине,
понятна ли, таинственна ли
для тебя она?

Легко ли засыпается,
когда глаза слипаются
и в забытьи врываются
ночные голоса?

Накатывают, катятся;
в их плеске, в их сумятице
ты слышишь тот, что мается
одышкой беглеца?

Он вышел было к просеке
и снова в чащу бросился —
в твое многоголосие,
в дремучий рыжий лес.

Не птичьими истомами —
он хрипами исторгнулся,
чтобы в твою историю
вписать свою болезнь.

Пусть бред ее расхристанный
в столбняк графы протиснулся —
но как уложишь истину
в температурный лист?

Что градус вождельница —
она сверхновой пенится!
И начеку смиренница,
застывшая, как рысь.

* * *

Моих болезней дароносица,
ты снова рвешься, мое сердце,
ты снова к счастью хочешь броситься
с восторгом терпким стратотерпца.

И, как распахнутая раковина,
скруглив углы глубин и доньев,
свою беду, свой шарик раковый
покатишь по ее ладони.

И губы стронутся, как сад,
набухший порохом апреля,
и чуть нежнее станет взгляд,
и чуть длиннее — ожерелье.

1978–1979

Р. МАРТИРОСОВУ

Мирам — сгорать и разбежаться.
Но не бесследен звездный путь —
летит зола протуберанцев,
чтобы увлечь и всколыхнуть
поля холодного пространства.

Чтобы потом, когда-нибудь,
его рассеянная суть
в горячий ком могла собраться,
и задышать, и разорваться,
и новым миром полыхнуть.
И калориметр Арагаца
былой огонь готов вдохнуть.

И мы с тобой сгорим дотла.
Но пусть нетленностью незримой
не в камень ляжет наше имя —
пусть песен вольная зола,
все наши небыли и были
летят, как струи звездной пыли,
из тьмы бездонного ковша.
И пусть похожая душа
частицу нас вдохнет и примет —
как твой бессонный калориметр,
когда его пронзает мгла
тугими ливнями тепла.

01.07.1979

СТИХИ О ПОЭЗИИ

1.

Это помнят скрипы ставен
все дворовые качели.
Это детство непрестанно
пробивается сквозь щели.

Это взрослые подростки,
отдышавшись от квартиры,
камнем, пущенным по прозе,
облака стригут пунктиром.

2.

Это хочет воздух пьяный
мять березовые пряди,
растянувшись на поляне
шевеленьем лунных пятен.

Это шум зеленокудрых
ветер гонит в деготь ночи.
Это скрипка в смолокурне
хочет петь и трогать хочет.

3.

Это белого безмолвья
золотая лихорадка.
Это верить, что замолит
все грехи одна тетрадка —

чтобы всей прошитой стопкой,
наготовю каждой даты
в путь пуститься на растопку
и тебя зажечь когда-то.

1986

МАЙСКАЯ АПОЛОГИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ВОЛЬНОМЫСЛИЯ

Прости мне, Матушка Гусыня,
что снова я с тобой не строг,
но вместе с ливнями косыми
приходит набуханье строк,
и снова завязь каждой строчки
среди буйства листьев и травы
во мне взрывается, как почка,
веселым облачком строфы.

Пора свободы и наитий, —
на нить нанизаны не зря,
закаты вниз по этой нити
скользят кусками янтаря.
И лес сгустил нервюры сводов
лишь для латыни дисциплин.
А дисциплина перевода —
в сирени, сорванной с цепи.

1996

ИЗ ПЕРЕВОДОВ

I. АНГЛИЙСКАЯ ЭПИГРАММА

Уильям Блейк (1757–1827)

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

Не зря же соседством я выбрал канаву —
Плачьте, друзья, кому сколько по нраву.

Роберт Бернс (1759–1796)

НА В. М. ГРЭХЕМА

Когда к нему подкралась Смерть,
Природа крикнула: «Не смей!
Неужто дуракам конец?
Он был мой лучший образец».

НАДПИСЬ НА МОГИЛЕ ГРИЗЕЛЛЫ СМИТ

Здесь с миром спит Гризелла Смит,
Смерть прибрала старуху.
Но мир! Как мог польститься ты
На этакую шлюху!

Хилер Бэллок (1870–1953)

УТОМЛЕНИЕ

Я переутомлен любовью,
Перенасытился стихами,
Однако я готов любое
Время проводить с деньгами.

Гарри Грэхем (1874–1936)

СЭР ДЖОН

Вот мастер точного решенья
В дуэли телефонограмм:
«Ваш мажордом попал в крушенье.
Он мертв; разрезан пополам».
«Ах так, — чуть трубку отодвинув,
Сказал Сэр Джон и заключил: —
Пришлите мне ту половину,
В которой у него ключи».

Джастин Ричардсон (ок. 1900–1975)

МУЖАЙТЕСЬ, НЕУЧИ!

Стыд потаенный спать мне не дает:
Не читан мною Т. С. Элиот.
Но тайный голос мне дарует мир:
Ведь не прочел его и сам Шекспир.

Анонимные авторы

* * *

И вовремя есть, и вовремя пить
Я твердо решил, поверьте,
И, если меня не прихлопнет кирпич,
Я доживу до смерти.

**СТИХИ,
НА ЧЕРТАННЫЕ
НА ОЛОВЯННОЙ КРУЖКЕ**

Я размышлял: зачем же пьют?
И вот еще одна причина:
Когда не пьет живой мужчина,
Неужто мертвому нальют?!

ЭПИТАФИЯ ДАНТИСТУ

Он был дантист, имел диплом,
Лечил и протезировал
И вот последнее душло
Собою запломбирова.

П. ГРУКИ

*Пит Хэйн (1905–1996)**

АРИФМЕТИКА СОТРУДНИЧЕСТВА

К законам общности от сути частности
приходишь без долгих раздумий:
сумма талантов равна их разности,
а сумма бездарностей — сумме.

ДЛЯ ОТВОДА ГЛАЗ

Одно из решений
жизнейских дилемм —
быть чуть умней,
чем вы кажетесь всем.
Есть метод иной —
преимуществ не счесть —

*Имя Пита Хэйна широко известно не только на его родине, в Дании, но и во всей Скандинавии, а также во многих англоязычных странах. Такая популярность неудивительна: в П. Хэйне счастливо уживались равно талантливые поэт, романист, эссеист, художник, архитектор, математик и инженер-изобретатель.

Наибольшую славу П. Хэйну принесли короткие эпиграммы — груки. Именно за них его трижды выдвигали на Нобелевскую премию. Когда П. Хэйн работал в знаменитом Копенгагенском институте теоретической физики, Нильс Бор избрал именно его своим партнером по «интеллектуальному пинг-понгу», в чем не было ничего неожиданного: хэйновские груки, представляющие собой впрессованные в несколько строк афоризмы, красноречиво свидетельствовали не только о мудрости и пронзительности автора, но и о его остроумии. Поэтому многие строки П. Хэйна и стали поговорками, крылатыми словами.

казаться немного глупей,
чем вы есть.

КОГДА НЕВЕЖДЫ

Оставив МУДРОСТЬ
увядать в песках зыбучих,
из ЗНАНИЯ
мы сотворили бога.

Но лучшее
обречено стать худшим,
КОГДА НЕВЕЖДЫ
ЗНАЮТ СЛИШКОМ МНОГО.

ПАРАДОКС ЖИЗНИ

Философский грук

Когда я думаю о замысле Творца,
когда меня загадка жизни мучит,
встают перед глазами два ларца,
и в каждом заперт
от другого ключик.

ХОТЕЛ БЫ

Хотел бы знать,
постичь,
понять,
успеть составить мнение,
пока не кончили давать
все это представление.

ПРИ СВЕЧЕ

Когда бы мы
могли начать
с печальной
мудрости огарка,
как помогла бы нам
свеча,
когда она
горела ярко.

III. ЛИМЕРИКИ*

Эдвард Лир (1812–1888)

* * *

От бодливой коровы есть средство:
Надо просто спокойно усесться
И минут этак двадцать
Ей улыбаться —
Это может смягчить ее сердце.

*В центре Ирландии, на берегу реки Шаннон, стоит город Лимерик. По преданию, в этом городе в стародавние времена впервые зазвучали короткие шуточные стихи, названные по месту своего рождения лимериками. Форма их со временем стала канонической: пять строчек анапестом, рифмующихся по схеме *aabba*. Строчки с рифмой *a* — трехстопные, а с рифмой *b* — двустопные. Обычно лимерики начинаются словами «There was a...», что соответствует русскому фольклорному зачину «Жил-был...». Эти озорные миниатюры — одна из самых популярных форм в английской

* * *

Несчастье случилось в Шатэ:
Танцовщица из варьете
 Крутилась, крутилась
 И в сцену ввинтилась
На тридцать втором фуэте.

* * *

Жил-был господин из Армении
Со странностями в поведении:
 Ел он только суфле,
 Ну а спал на столе,
Этот странный чудака из Армении.

* * *

Мистер Глоткин, оратор из Итона,
Вел себя до того невоспитанно,
 Что большой молоток
 Оборвал монолог,
Пришибив джентльмена из Итона.

поэзии, и в фольклоре в особенности. И популярностью своей лимерики обязаны, конечно же, одному из самых любимых поэтов английской и американской детворы — Эдварду Лиру. Сам он называл свои стишки нонсенсами, отсюда и название первой его книжки, вышедшей в 1846 г., — «A Book of Nonsense». Любопытно, что составившие книгу лимерики, проиллюстрированные автором, целых десять лет пролежали у него в полном забвении. Он и представить себе не мог, каким триумфом обернутся для него его легкомысленные забавы.

* * *

Жил в Манчестере старый матрос.
У него был крупнейший нос.
Но на поздней рыбалке
Нос служил вместо палки:
На него вешал лампу матрос.

* * *

Ну и путаник был старый Эдди,
Перепутывал он все на свете:
С кошкой вальс танцевал,
В шляпу чай наливал,
Что весьма раздражало соседей.

Анонимные авторы

* * *

У студента по имени Свани
С каждым годом скудели знания.
Их осталось так мало,
Что вовсе не стало.
И теперь он в профессорском звании.

* * *

Жил-был Рэччи — широкие плечи,
Не усвоивший тонкостей речи.
Раз он надпись прочел:
«Не плюйте на пол» —
В потолок тут же плюнул наш Рэччи.

* * *

Офицер при усах и при шпаге
В маскарад приглашен был в Гааге.

Он решил впопыхах:

«Буду кот в сапогах».

И его разодрали дворняги.

**СЕРГЕЙ
ЗИНКЕВИЧ**

р. 1949

Сергей Владимирович Зинкевич — консультант при дирекции ОИЯИ по культурно-спортивной работе, ранее — ведущий инженер реактора ИБР-2, младший научный сотрудник. Соавтор трех депонированных статей, нескольких отчетов по экспериментам на ИБР-2.

Стихи С. Зинкевича печатались в городских газетах «Вести Дубны», «Площадь Мира» и «Встреча». Опубликована подборка стихов на «Литературной странице» газеты «Вести Дубны».

* * *

Так безлюдно мне, как в темнице,
Нет подруженьки яснолицей.
Хоть палаты вроде роскошные,
Почему же скучно и тошно мне?

Однако здесь, одинаково...
Просто нет тебя, дева знаковая.
Где ты, милая? — Разуверен я.
Неужели — всё?.. ты потеряна?

Как листва с дерев, счастье сорвано,
Чьей-то глупостью смыто в сторону.
И винить мне тут вовсе некого,
Лишь надежды — чуть, дней на несколько.

СЮРПРИЗ

Подхваченные ветром Повседневья,
В кругу водоворота будних дел
Мы множим дни свои самозабвенно,
Не чувствуя, как волос поредел.

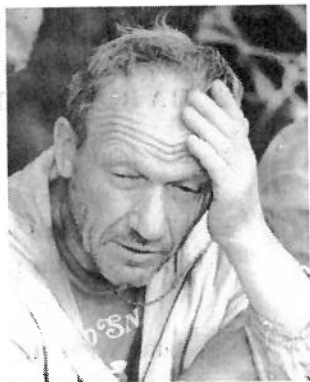
Так часто мы не видим дорогого!
Все тщетно, как с собою ни борись...
Сквозь пальцы от тебя идет к другому
Внезапный незамеченный сюрприз.

Порабощаясь страстью «продвиженья»,
Ловя жар-птицы золотую пыль,
Теряем мы инстинкт самосожженья
И превращаем Будущее в Быль.

Лишь только иногда бессонной ночью
Приходит Юность — сказочный каприз...
Является так ясно, как воочью,
Твой образ — мой потерянный сюрприз.

И под ночным пушистым покрывалом
Внезапно открываются глаза.
Я чувствую с волнением небывалым,
Как на щеке огнем горит слеза.

О Боже! Дай мне сил и вдохновенья
Завоевать последний, высший приз!
И подари прекрасное мгновенье —
Любви душеспасительный сюрприз.

АЛЕКСАНДР ЗЛОБИН

р. 1937

Александр Дмитриевич Злобин с 1962 г. работает в ОИЯИ электронщиком. Автор 27 научных работ, изобретения.

А. Д. Злобин — мастер спорта СССР по туризму, бессменный председатель городского клуба туристов, заслуженный путешественник России.

Стихи А. Д. Злобина неоднократно печатались в дубненской прессе.

**БЕЛАЯ НОЧЬ
НА ВОДОПАДЕ МАМАНЯ**

На фоне неба — силуэт сосны,
Измученной полярными ветрами.
Над скалами неспешные дымы
Над нашими нетленными кострами.

Закат угас над грозным водопадом.
Маманя падает с небесной высоты.
Мы вдоль него вчера прошли парадом,
Рискуя в ожиданьи красоты.

С утра трава студена и мокра.
Над головою облачные хляби.
Не в добрый час явились мы сюда,
Где комары лютуют хоботами.

С горы вода летит белым-бела.
А снизу пар вздымается клубами.
О, как бы наша жизнь была бедна,
Коль этого всего не испытали!

Щербатых стен довлеет красота.
Березы, ели тянутся свечами...
Бивак и наши песни у костра
Языческую сутью удивляют.

Каких страстей не испытали мы:
Любви, потерь, надежды и победы.
Возникшие единожды из тьмы, —
Мы на Олимпе, превозмогши беды.

Река Кутсайоки, 1996

ОСТРОВ ДУБНА

Наш дивный остров с именем Дубна
Был охраняем, небу сопричастный.
Идеи, сытость, мыслей глубина
Нам обещали быть научным царством.

Но тесен мир! На острове Дубна
Не отсидеться тихо, безучастно —
Волна цунами царство залила
Проблемами с Россией сопричастных.

Вдруг рухнул мир охаянных идей.
Его мы даже радостно пинали.
Возникла странных череда вождей,
Ведущих нас, куда не зная сами.

Не создаем тактических ракет,
Не рвемся в океанские глубины;
Не актуален новый элемент —
Нас воры ныне по миру пустили.

Волна уйдет. Отступят сыр и грязь.
На новой почве новое зачнется.
Как устоять? преодолеть боязнь,
Когда сигнал «За дело!» разнесется?

Островитяне! Близок звук трубы.
Как ратминцы во время лихолетья
С победой выходили из борьбы —
Войдем, ликуя, в новое столетье.

1996

Ю. А. Туманову

Этот город, родившийся в соснах,
В изумленьи у Волги застыл,
Увидав отражение в волнах,
Восхитительным и молодым.

Элегантный, любимчик Фортуны,
От рожденья — палаты ума...
К стенам ластятся волжские струи,
Люди едут охотно сюда.

Здесь умельцы умом проникают
В зазеркально-невидимый мир,
Тайны ядерных сил постигают,
Что Создатель когда-то сокрыл.

Проникают в глубины морские,
Мысль бурлацкая в космос ушла...
Здесь в гармонии — опыт и сила,
Знает мир позывные «Дубна».

Полистайте журналов страницы,
Приезжайте однажды сюда.
Для ученых нет лучше столицы;
Здесь талант поощряют, любя.

Здесь немислима жизнь без искусства,
Без художников и чудаков.
Наши дубненцы в песнях искусны,
А спортсмены — в когорте богов.

1996

**АЛЕКСАНДР
КОВАЛЕНКО**

р. 1957

Александр Васильевич Коваленко — инженер-программист. В Объединенном институте ядерных исследований работает с 1980 г. в научно-техническом отделе АСУ.

БОЛГАРИЯ

Болгария, Болгария —
Край война-агрария,
Чернеющая бровь.
Богатое в ней прошлое:
Плохое и хорошее —
Печальная любовь...

Кирилла и Мефодия —
Славянская мелодия —
Многоголосый хор.
Культура из словесности,
Раскопки в неизвестности —
Веков немой укор.

Подбрюшина Европы,
Христианская голгофа —
В глазах застывший стон.
Подруга моря Черного,
Вершина непокорная —
Свободы бастион.

Болгария, Болгария —
Край война-агрария,
Чернеющая бровь.
Богатое в ней прошлое:
Плохое и хорошее —
Печальная любовь.

ЮРИЙ КОЗЛОВ

р. 1957

Юрий Иванович Козлов — старший техник. В ОИЯИ работал с 1978 по 2001 г., в последние годы — в электротехнологическом отделе Лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка.

Стихи Ю. Козлова стали печататься в периодике с 1992 г. Он является соавтором поэтических сборников «Там, где березы растут сквозь тротуары», «Поэтическая Дубна», «Встречи в Поэтической гостиной», внештатным литературным сотрудником московских журналов «Смена» и «Свет», а также корреспондентом дубненской газеты «Встреча».

АВГУСТ, СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ...

Буйное лето спешит на покой,
Все прогуляв в зное пьяном,
Месяцы-братья бредут чередой,
Слившись с осенним туманом.

Словно лихую прображничав ночь,
Вышли с гармонью за поле
Три удальца, чтобы хмель перевозмочь
И остудиться на воле...

Яблок корзину, лукошко грибов,
Звезд астероидный гравий,
Русскую щедрость лесов и садов
Август небрежно оставил.

Вот уже листьев коснулась печаль —
Ракурсы милых картинок
Желто-багряная скрыла вуаль
Из сентября паутинок.

Лужи сковал утром хрупкий ледок,
Рощи безмолвно застыли,
Грустный октябрь шанул на порог —
В поле стога приуныли...

Ветры прощальный споют полонез,
Выбелят утро порошей.
Что же?.. Спасибо, что в душу не лез,
Год непростой и... хороший!..

ЗАЖГИ СВЕЧУ!

Вновь за окном — метелей ворожба,
А между строчкой и пером — опять вражда.
В такие дни немногого хочу:
Лишь на горящую смотреть свечу.

В изгибах ее пламени — покой,
Пронзивший сердце трепетной волной,
Но от избытка чувств, скрепясь, не закричу,
Чтоб не задуть благословенную свечу...

И пусть твердит измотанный сосед,
Что в мире счастья не было и нет.
Ему в ответ достойно промолчу,
Рукой прикрыв дрожащую свечу...

ВИТАЛИЙ КОНОВАЛОВ

р. 1971

Виталий Юрьевич Коновалов — физик-экспериментатор, младший научный сотрудник. В ОИЯИ работает с 1992 г. в Лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка.

Стихи В. Коновалова начали печататься в периодике с 1993 г. Он является автором двух выпущенных самиздатом поэтических сборников — «Яйцо птицы Феникс» (1993) и «Бессонница» (1999).

РАТМИНСКАЯ СТРЕЛКА

Отзываются громом в ночной тишине
Посторонние звуки,
И теряются, тают знакомые руки
В ночной темноте,
И реальность потеряна — лишь облака
Отражаются в заводи,

И не страшно пока;

Мы сидим на обрыве Вселенной
И не падаем вниз,
И любая нелепая мысль
Нам кажется дельной.
Звезды смотрят на нас с высоты,
Как мы держимся за руки

И как счастлива ты.

* * *

Сосредоточься на приятных мыслях —
О чистом воздухе и о зеленых листьях,
Чтоб тот, кто в мир готовится прийти,
Не так боялся этого пути.

* * *

Когда-то все бывает в первый раз:
И поцелуй, и первая измена.
И наконец настанет страшный час,
Когда все обратится прахом, тленом,

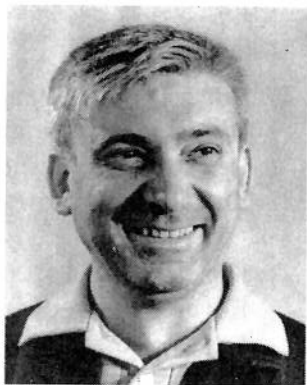
Когда огонь потерь сожжет твой мозг,
Когда ты потеряешь счет утратам,
Когда растопит сердца мягкий воск
Все то, что в сердце ты хранил когда-то,

Когда решишь, что прожил жизнь не так,
И проклянешь ошибки и просчеты,
И будет с ног валить любой пустяк,
И с Богом ты свести захочешь счеты,

Ты вспомни: ты же сам решил свернуть,
Хотя Судьба указывала путь.

ГЕРЦЕН КОПЫЛОВ

1925–1976

Герцен Исаевич Копылов — доктор физико-математических наук. С 1955 г. работал в ОИЯИ физиком-теоретиком. Г. И. Копылов был специалистом в области кинематики ядерных реакций (автор около 150 научных работ и классической монографии «Основы кинематики резонансов» (М.: Наука, 1971)), популяризатором науки (книга «Всего лишь кинематика» издавалась в издательстве «Наука» в 1967 и 1981 гг., переведена на эстонский, английский и испанский языки) и талантливым переводчиком (он перевел несколько томов «Фейнмановских лекций по физике» и ряд книг по ядерной физике). Публицистические статьи Г. И. Копылова в конце 60-х активно ходили в самиздате (псевдоним — Семен Телегин). Г. И. Копылов является автором двух сатирических поэм: в 1948–1956 гг. была написана поэма «Евгений Стромынкин» (Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 2. С. 86–150), вошедшая в студенческий фольклор физфака МГУ, в 1964–1972 гг. написана «Четырехмерная поэма» (Четырехмерная поэма и другие неодномерные произведения. Страна и мир / Под ред. К. Любарского. Мюнхен, 1990), посвященная судьбе науки и ученых в тоталитарном обществе.

СЕМИНАР

...Обрывки фраз,
доска и мел,
нахрап, экстаз,
кто смел — тот съел;
там, у доски, сейчас смотрины
невьлупившейся доктрины,
там душат яростно птенца,
не вышедшего из яйца:
пожатья плеч, улыбки, гогот,
хохочут — перестать не могут...
Но мученический венец
принять не думает птенец:
миры сшибаются с мирами,
ядро вонзается в ядро,
Шварцшильд сшивается с Минами,
свет предстает частицей р,
летят продольные нейтрины,
неприкасаемы, незримы,
через Вселенной пестроту
беспечно, как сквозь пустоту...
Птенец — взгляните на уродца! —
упорен, даром что урод, —
клюется, в руки не дается,
шипит, топорщится, орет —
и вдруг поплыл, как лебедь юный
(о грудь! о шея! о извив!),
своей красою мир подлунный
навек отныне уязвив!

* * *

Было дело на Луне.
Нуль женился на нуле.
Окруженные нулями,
свадьбу весело гуляли.
Нуль нулю кричал: «Налей!
Выпьем, братцы, за нулей!
Мы — нули!
Мы соль Луны!
Мы округлы,
мы полны,
мы моральны,
мы приличны,
мы центрально-симметричны,
мы устойчивы вполне!
Мы, нули, под стать Луне!»

Нуль в ответ кричал нулю:
«Я хвалиться не люблю,
но скажу!
Пусть нуль и прост,
не хватает с неба звезд,
пусть умом нерасторопен,
но зато уж — изотропен:
одинаково широк
косо, вдоль и поперек.
Мы похожи, словно слепки,
Взгляды наши стойки, крепки.

Чуть начальство нам мигни:
«Эй, нули!» — мы вот они..
И едим начальство глазом,
и вихляем гибким тазом...

Вот за это свойство масс
всех начальство любит нас.
И живем мы без кручин:
как велят — «ура» кричим,
и молчим, когда велят,
и растим себе нулят...

Чем начальство мы пленяем?
Что взаимозаменяем
каждый член в телах у нас:
нюх нам служит вместо глаз,
служит нам спина фасадом,
голова нам служит задом,
зад нам служит головой,
сердцем — орган половой...

Говорят, что, мол, нули, мы
скользки будто, как налимь...
Отчего ж не жить скользя,
если иначе нельзя:
мы круглы, Луна кругла,
ни зацепки, ни угла,
сила тяжести мала —

пусть хоть слабый ветерок,
а не встанешь поперек...»

Новый нуль воскликнул:

«Гости!

Буду краток в новом тосте!

Вот невеста,

вот жених,

вот он я.

Я пью за них!

Хороша собой супруга:

и округла, и упруга.

И жених под стать невесте:

в безразличном равновесьи;

у него, как у Луны,

нет обратной стороны,

он в любой хорош системе,

он и с этими, и с теми,

как ни кинь его, ни брось —

все стоит носками врозь

и начальство гложет глазом,

а в глазу энтузиазм!»

.....

Нуль женился на нуле.

Хорошо им на Луне.

Правда, нечем там дышать,

рот приказано зажать,

Но нулям и так удобно:
«Поживем анаэробно...»
И на солнце, и в тени
размножаются они,
прибавляют дружно в весе,
пребывают в равновесьи.
Все смелей,
круглей,
наглей,
все обширней род нулей!

НИКОЛАЙ КУЛЬБЕРГ

р. 1941

Николай Николаевич Кульберг родился в Марселе. Потомок русских эмигрантов из старинного рода Голенищевых-Кутузовых. Работает в ЦЕРН с 1966 г. В настоящее время — помощник генерального директора ЦЕРН, ответственный за сотрудничество с Россией. Член комитетов по сотрудничеству Российская Федерация–ЦЕРН и ЦЕРН–ОИЯИ. Постоянно оказывает большую поддержку сотрудникам ОИЯИ, командированным в ЦЕРН.

Пишет стихи на французском языке. До сих пор не публиковался. Включенное в антологию стихотворение Н. Кульберга получило первый приз на конкурсе стихов среди школьников города Марселя в 1957 г., когда оно было написано.

ШКОЛЬНОЕ СОЧИНЕНИЕ

Если бы я был Богом,
Понятно, Богом милостивым,
 неравнодушным к красоте,
Я бы судил поэтов на золотом троне
И я простил бы грехи всем проклятым поэтам
И всем поэтам — истинным служителям муз,
Всем, кто сохранил верность призванию,
Кто имел хотя бы искру таланта
И кто так мучительно страдал.
Я простил бы тебе, Верлен, пьянице и дебоширу,
 неистовому служителю Бахуса,
И тебе, Рембо, бездомному бродяге,
 вечно впадающему в крайности.
Они желали сотворить из тебя пророка,
Но ведь ты всегда хотел оставаться
 простым язычником.
И, конечно, Вам, Бодлер, нашему общему наставнику.
Сплин — суть горестной, увядающей жизни —
Дождит тем тяжелым дождем,
Который, кажется, никогда не кончится,
Который плещется в расщелинах мостовой,
Которого не заботят ящерики на плиточных
 фасадах замшелых зданий
И скользящие, плохо подкованные лошади
И который приводит в оцепенение старого
 бородатого аккордеониста.

Сплин не стихи — стихия Бодлера,
горестного и усталого,
Подлинного, славного Бодлера,
Человека, утратившего последнюю надежду,
с попраным честолюбием.
Ему грезится, что он молод —
Гордый взгляд, трепещущие губы,
Он на палубе фрегата,
Отправляющегося за сказочными дарами
в богатую, щедрую Индию.
Вот и первая любовь,
ее длинные развевающиеся волосы,
волнующий аромат ее духов...
И вдруг — коты, полчища котов,
Теснящихся в разгоряченном мозгу...
Наваждение длится несколько мгновений.

А дождь все идет не переставая.
Он узник этого дождя,
Он в темнице с расплавленными
стекающими решетками,
что кинжалами бесконечным потоком
вонзаются в него, узника жизни.
Тягостная, леденящая тоска
Наваливается на его спорбленную спину,
Надежды рождаются,
растут и рушатся неумолимо.

И тоска, тягостная отвратительная тоска.
И огромным пауком растущее в мозгу,
Окутывающее члены желание
Удавит несчастного Пуле-Маласиса,
Осмеливающегося волею судьбы быть его издателем.
Гигантская, чудовищная какофония,
Ужас, ледяющий кровь, — все кончено,
Он погиб.
О, дьявольские муки!..

1957

Перевод с французского Марины Кучиной

ГЕННАДИЙ МАЗНЫЙ

р. 1944

Геннадий Леонидович Мазный — математик, программист, системный аналитик, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник. В ОИЯИ работал с 1966 по 1994 г. в Лаборатории вычислительной техники и автоматизации. В 1994 г. перешел работать на кафедру системного анализа и управления Международного университета природы, общества и человека «Дубна», который был открыт в это время по инициативе ОИЯИ и в создании которого Г. Л. Мазный принимал активное участие. Опубликовал более 100 научных, методических, научно-популярных, публицистических статей и книг. Наибольшей популярностью пользовалась изданная тиражом в 40 тысяч экземпляров монография Г. Л. Мазного «Программирование на БЭСМ-6 в системе "Дубна"» (М.: Наука, 1978) о созданной в ОИЯИ системе математического обеспечения самой мощной советской ЭВМ.

Стихи Г. Л. Мазного печатаются в периодике с конца 1960-х гг. — в основном в местной и региональной прессе, а также в изданиях в сети Интернет: в электронном журнале Стихи.Ру, в интернет-библиотеке UserLine.

ИНДИЙСКИЕ МОТИВЫ

Мой мир был болен,
и страдал я — оболочка этого мира.

И отразил мир лицо девушки.

«Твой мир тесен, — сказали губы, —
в нем нет меня».

«Но как ввести тебя в мой мир?»

«Однажды в год, когда птицы
поют хмельные песни,
и бог Кришна зажигает костер,
и жрецы пляшут в нем,
возьми меня, и войди в костер, и спляши,
и сгори, и я войду».

И сделал я, и она вошла.

Но мой мир был болен,
и страдал я — оболочка этого мира.

И возник образ девушки из моего мира.

«Твой мир тесен, — сказали губы, —
в нем нет любви».

И опечалился я, и стал искать любовь,
и отразил мир лицо любви.

И взял я любовь, и вошел в костер бога Кришны,
и сплясал, и сгорел,
и вновь сплясал и сгорел,

и был я пламенем,
и языками пламени,
и светом,
и было так бессчетно.

Но пал ливень, и стал мой мир сгоревшим садом.

И показалось мне, что мой мир здоров,
а болен я — оболочка этого мира.

ПОДАРОК СЕБЕ

У деревьев такой листопад — листья желтые падают,
И не может никто сказать, для чего листопад...
Помнишь, был он таким, когда мы играли в фантики
На осенней сырой земле много лет назад.

Помню, ты собрала в букет листья мокрые, жалкие
И потом, разделив букет, подарила нам.
И была ты тогда ничья, ты была просто Галкою,
И мальчишки всего двора обожали тебя.

А теперь — появился он, но улыбкою жалкою
Улыбаешься снова нам, говоришь невпопад,
А вокруг — такой листопад, листья желтые падают,
И не может никто сказать, для чего листопад.

* * *

Когда зажжется солнце синее,
Когда растает алый лед,
Покрыв травинки жгучим инеем,
Весна веселая придет.
И встрепенутся сосны нежные,
Вдыхая ласковый обман,
И потекут озера снежные
В ледовый жаркий океан.

**ЛЮБОВЬ
МАЙОРОВА**

р. 1952

Любовь Михайловна Майорова — редактор газеты «Дубна литературная». В ОИЯИ работает с 2000 г. заведующей отделом Дома культуры «Мир». Стихи Л. Майоровой опубликованы в коллективном сборнике «Встречи в Поэтической гостиной» (Кимры, 1999).

* * *

Как беден мир, когда в нем нет стихов!
Как скучен день и как длинна дорога,
Когда мне не хватает строк и слов,
Идя домой иль уходя с порога.

И как трепещет на ветру душа,
Когда ее порой никто не слышит.
Тогда беру я ручку не спеша
И знаю, что рука стихи напишет.

* * *

Красивая женщина — и одинока.
С печалью обвенчана жизнью жестокой.
Тоскою окутана, холодом скована,
Дорога запутана, как заколдована.

Кружит по судьбе сиротливою птицей.
Ну как же могло с ней такое случиться?
Красивая женщина! Ей ли печалиться?
А вот ведь невстреченной так и останется.

* * *

Твои глаза умеют говорить.
Твое лицо знакомо мне до боли.
А мы совсем не можем вместе быть,
В своих мирах живем мы, как в неволе.

И взгляды не встречались никогда,
И никогда дороги не сходились.
А мы живем с тобой в одни года.
Но вот друг другу так и не приснились.

ИГОРЬ МЕШКОВ

р. 1936

Игорь Николаевич Мешков — физик, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. В ОИЯИ работает с 1993 г., в настоящее время в должности главного инженера института. Автор большого числа научно-популярных публикаций, наиболее значительная из которых «Электронное охлаждение» (совместно с А. Н. Скринским. Будущее науки. М.: Знание, 1978). Кроме того, опубликовано около десятка его очерков о восхождениях в сборниках и журналах об альпинизме. Стихи никогда не публиковал.

* * *

А. Ск.

У Савеловской развилки
До краев воды полна
Возле станции Вербилки
По весне река Дубна.

Заболотские озера,
Заповедные края.
Здесь весной по эту пору
Встретишь в поле... журавля!

Там срединные разливы
В тихой лениости своей,
А на взгорьях молчаливы,
Настороженно пугливы
Свечки брошенных церквей...

Апрель 1991

ПОЧТИ ПО БЛОКУ

Ялта. Набережная. Порт. Маяк.
Оркестр — ретро «уан-степа».
Тусовка. Бомонд. Базар. Бардак.
Словом — второе пришествие НЭПа.

Алушта, 1999

ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ

Л. С.

Не рыдай по снегам и метелям,
Трудно все зачеркнуть и опять,
Как когда-то, на самом пределе
Дыры в замках воздушных латать.

Светлый мир, он в виденьях и грезах.
Где же лучше? Известен ответ:
Жизнь — не песня, а скучная проза.
Где же лучше? А там, где нас нет.

Липецк, август 1990

ЕВГЕНИЙ МОЛЧАНОВ

р. 1950

Евгений Макарьевич Молчанов с 1972 г. работает в институтской газете «Дубна: наука, содружество, прогресс», с 1996 г. — редактором. С 1978 г. — член Союза журналистов СССР (ныне — Московского союза журналистов). Его интервью с учеными, корреспонденции о научных исследованиях публиковались в ряде центральных газет и журналов. Сотрудничал с ИТАР–ТАСС. В соавторстве с академиком Г. Н. Флеровым издал научно-популярную книгу «Эти вездесущие ионы» (Дубна, 1998). Редактировал сборники воспоминаний о дубненских ученых. Стихи начал писать в юности, но известны они только близким друзьям.

* * *

Светлане Кабановой

Мой костер догорал, словно песенка.
Я сидел, курил «Краснопресненские».
Хорошо было думать об осени,
Улетать вслед за искрами-осами
И мечтать о далеком Несбывшемся...
Поконкретней сказать не решился бы.

...Снова вижу я лес тот нахмуренный,
Чую дым (от костра иль от курева?),
Возвращаю мечты те желанные,
Только полно — они за туманами,
За лесами-полями-долинами
Стали льдинами, синими льдинами.
И такая хандра подбирается —
Что наладилось, снова ломается.
Что ж, и это неплохо — ломается...
Может быть, ледоход начинается?

1968

* * *

Время шумело и плакало
Светлой капелью весны.
Бились еловыми лапами
В гущу туманную сны.

Мартовским шепотом бережным
Был переполнен наш лес.
Не вырастали подснежники,
Но вырастал интерес.

Медленным парусом падали
Толстые складки гардин.
Свет изливался каскадами
С ярких небесных стремнин.

Кошки блаженно мяукали,
Грея на солнце бока.
Пахло весной и разлуками.
Только неясно пока.

Солнечногорск, 1970

* * *

**Из цикла «Концерт Высоцкого»,
Дубна, 1979**

Когда отхлынула толпа,
А он остался, коренастый,
Не грубым, просто хрупким стал,
Как насты в мартовском ненастье.
Крутило, дергало пургой,
Был гололед, была усталость.
Тогда пришел к нему другой
И рассказал ему про старость.

«И в тридцать семь, — подумал он, —
Вонзится нож всем песням в горло,
И в тридцать семь — все песни вон,
Чтоб вьюги в бешенстве иссохли».
И клокотал, и рвался гнев
На успокоенность земную.
И захлебнувшийся припев
Скрипел, себя к нему ревнуя.

.....
Когда остыл от суеты,
Бравурных криков и оваций,
То тридцать семь пришли на ты
И парус, порванный на части.

СОНЕТ В МАРТЕ

Не зарекайся думая последний
листок растает тихой грустью
и через месяц стих-подснежник
проснется уже в новом сердце
оно одно и боль его не пустит
боль осыпает раны перцем
но не осыплется подснежник
строкой единственной последней
и после стылых дней наследник
его другим цветком теплится
и будет теплый вечер длиться
чтоб растопить полдневный ледник

в очаровательной теплице
из этих дней моих последних.

* * *

Дела в порядок надо приводить —
Грядет конец тысячелетья.
И, чтоб не канул этот опыт в Лету, —
Все подобрать, пометить, ощутить
Тот аромат, особый этот привкус,
Что обоняние отметит веком вех...
А у собаки у моей хреновый прикус,
Увы, недолог наш собачий век!

2000

ЮРИЙ ОБУХОВ

1929–1997

Юрий Леонидович Обухов — физик. В ОИЯИ работал с 1958 по 1997 г. в должности старшего научного сотрудника в Лаборатории физики частиц.

В 1998 г. был опубликован сборник его стихов «Избранное» (Дубна: ОИЯИ), составленный друзьями и коллегами. У него был свой, ни на кого не похожий стиль, который можно назвать доброжелательным сарказмом.

* * *

Ночь осенняя вновь расколота,
За окном листва — будто золото,
Ну а мы спешим, счет минутами,
Ночь и день у нас перепутаны.

Мы спешим, что, как в невозвратное,
Нам нельзя никак на попятную,
Наши скорости — за пределами,
Все нам кажется, дело делаем.

Все торопимся, будто ждет беда,
Поглядеть вокруг просто некогда.
Надо, надо бы — не успеть вот так,
Да от «надо бы» — не уйти никак.

Ночь осенняя вновь расколота,
На ветвях листва — будто золото...
Может, лучше нам не спешить бегом,
Призадуматься, посмотреть кругом?

10 ноября 1987

* * *

Убегают годы торопливо,
Каждый день все та же маета.
Не гляди на этот мир тоскливо,
Не сбежать, не снять с себя креста!

Слишком быстро дни уходят, годы,
Шелестят листы календаря.
И как вестник зимней непогоды —
Первый снег в ладонях ноября.

Первый снег, как первые заботы,
Видно, будет долго удивлять.
Первый снег, который он по счету?
Право, и не хочется считать...

Только сил осталось так немного,
Каждый день все та же маета.
Не считай, что кончилась дорога.
Все равно не снять с себя креста.

21 ноября 1987

ПАМЯТИ ВЫСОЦКОГО

Три строчки хроники в газете
О том, что умер член Союза и т. п.
(Ни слова, что ты был поэтом!),
На память брошено толпе.

Не сказано, что ты был горлопаном,
Что неуютно жил и неуютным был,
Что ненавидел всяких шарлатанов
И песнями порой, как матом, крыл.

Не сказано ни строчки слов похвальных,
Что жил и вот ушел большой поэт.
А впрочем, нужен ли тебе официальный
Холодный и бесчувственный букет?

Но ты остался в памяти народной.
Твой голос и ты сам неповторим.
И жизнь твоя и песнь была свободной,
А потому ты жив и как живой — любим!

ВЕСЕННЕЕ

1.

Пришла весна.
Весне мы рады.
Проснулся лес,
Проснулись гады.

2.

Пришла весна.
Повсюду лужи,
И вновь желания в крови.
Ты вновь рассталась
С новым мужем
И вновь свободна для любви.

3.

Пришла весна, весне мы рады,
Весь мир заполнен звуком нежным.
Я сам пою вновь серенады...
Жду, приходи, мой адрес прежний...

НУЛИ

Как хорошо, когда вокруг нули,
А ты, конечно, единица.
С нулями ты выходишь в короли,
И каждый ноль тебя боится!

Нулю ты можешь указать,
Чтоб уважал твои порядки,
Большим, огромным можешь стать,
Когда нули поставишь по порядку.

Но ноль в ничтожности своей
Таит опасностей немало.
Знай, в окружении нулей
Стать можешь бесконечно малым!

ЮБИЛЕЙНОЕ

Юбилей, юбилей...
Праздник фраз и праздник слов:
Обольют тебя елеем
И поздравят: «Будь здоров!»

И никто не скажет плохо,
Промолчат, что ты — не лучший,
Скажут: «Он открыл эпоху»,
«Светлый луч среди живущих!»

Не горюй, ведь ты не первый,
Поживем, коль живы будем.
Мы еще потрепем нервы
Тем, кто любит и не любит.

ГЕННАДИЙ ОСОСКОВ

р. 1931

Геннадий Алексеевич Ососков — математик, доктор физико-математических наук, профессор. В ОИЯИ работает с 1961 г., в настоящее время — главный научный сотрудник Лаборатории информационных технологий. Является автором более 200 научных публикаций, а также ряда научно-популярных брошюр. Некоторые из стихов Г. Ососкова печатались в местных газетах.

ЧИТАЯ МАНДЕЛЬШТАМА

Бывают приступы печали,
Когда тревогу не унять...
Сижу декабрьскими ночами,
Пытаясь Осипа понять.

Его, конечно, Мандельштама,
Стихи, столь странные, твержу,
Их повторяю вновь упрямо
И новый смысл в том нахожу.

Я их читаю как заклятье,
Их помню наизусть уже.
Но мне от этого занятия
Все тяжелее на душе.

Душе созвучен стих поэта,
А вот судьба его гнетет.
И только мысль, что ты есть где-то,
Мне облегчение несет.

ВРЕМЕНА ГОДА В ДУБНЕ

Люблю я город свой зеленый,
Тоннели липовых аллей
Иль в октябре багрянец кленов
На фоне желтых тополей.

Ах, осени пора грибная!
Словами трудно передать,
Что ощущаешь, замирая,
Срывая белый гриб опять.

Как хороша Дубна зимою...
Дома в сугробах, как в осаде,
А под заснеженной сосною
Берез заиндевелых пряди.

Под солнцем елки, как солдаты,
Стоят в сверкающих доспехах.
Рвет Волга ледяные латы,
Все рядит в иней нам в утеху.

Вот стало солнце припекать,
И март пришел, как светлый праздник.
Как я люблю на лыжах мчать
По наста искрящейся глади!

Апрель, природы пробужденье.
Растаял снег и весь народ:
Профессор, токарь — всяк со рвением
Спешит вскопать свой огород.

И снова лето наступает,
Пора плодов и комаров...
На сем, читатель, завершаю
Я цикл годичный. Будь здоров!

ТАМАРА ПОПОВА

1952–1999

Тамара Юрьевна Попова работала в научно-технической библиотеке ОИЯИ с 1987 по 1999 г. Занималась переводами, в том числе и стихотворными. Т. Ю. Поповой принадлежат переводы некоторых стихов в книге Т. Макграта «Письмо к воображаемому другу» (М.: Прогресс, 1984). Позднее она начала сотрудничать с издательством «Грантъ» (переводы, редактирование), где в 1996 г. вышло первое полное русскоязычное издание «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера с ее переводами не издававшихся ранее глав (в том числе стихотворных). В этом же издательстве в переводе Т. Ю. Поповой был опубликован роман У. Фолкнера «Святылище» (1997), а также роман Дж. Беньяна «Путь паломника» (2001).

В газете «Дубна: наука, дружба, прогресс» печатались ее переводы лимериков, «Сказка про материальное благополучие», статья, посвященная творчеству У. Фолкнера в связи со 100-летием со дня его рождения. Можно также отметить ее заметку «Второй поэт Англии» о Дж. Чосере в «Энциклопедии для детей» (М.: Аванта+, 2000, Т. 15, ч. 1).

Стихи Т. Ю. Поповой печатаются впервые.

* * *

Блаженны,
Кто никогда не увидит
Собственного бессилия.
Блаженны,
Кто побоится обидеть
Кота Василия,

А будут стоять и ругаться,
Пока он их не съест.
Блаженны,
Кто хотел бы добраться
До некоторых звезд,

Но сегодня — сыро,
А завтра — сухо,
А вот уж послезавтра — как бог свят!
Блаженны
Все нищие духом,
Ибо не ведают, что творят.

1966

* * *

Не знаю — что,
Не знаю — было,
Не знаю даже, что прошло, —
Лишь чувство — что-то я забыла,
Как забывают ремесло.

И вдруг — такая злая мука,
И сердце стиснуто в груди:
Ну погоди, моя наука!
Не оставляй, не уходи!

Но остается только скука,
И шелестит в груди песок.
Как это дико, глухо, глупо —
Отсох души моей кусок...

* * *

Мне-то что? Я всем родная,
Все меня в друзья зовут.
Травы ночью собираю,
А отвар другие пьют.

Мне-то что? Скрепляю кровью
Камни (руки в язвах пут) —
Дом себе для жизни строю,
А другие в нем живут.

Кто-то носит мои косы,
Милый любит не меня,
За столом меня обносят, —
Знать, вкусна им жизнь моя!

15.05.1975

* * *

Я глагол невзлюбила: ведь он созерцанью враждебен;
Сущему в мире глагол лишь полназванья дает;
Гол, как энергия, он; на луче далеко ли уедешь?
Все я сказала: теперь пусть мне глагол отомстит.

1982

ЭЛЬДУС САЙФУЛИН

р. 1970

Эльдус Шамильевич Сайфулин работал в ОИЯИ в 1987–1988 гг. токарем в Опытном производстве, в 1990–1999 гг. плотником в РСУ.

Лауреат конкурсов самодеятельной песни: московского городского «Бумеранг» — 1988, регионального (Тверь) — 1992, «Апрель» (Фрязино) — 1994, 1996–2001.

Тексты песен Э. Сайфулина печатались в дубненских и фрязинских городских газетах.

ПЕСНЯ О ВОЛШЕБНИКЕ

Я в лесу заплутал, я случайно отстал от друзей,
И не мог разыскать я дорогу к далекому дому.
Каждый из лесу вышел короткой тропинкой своей,
Ну а я продирался сквозь заросли и буреломы.
Я устал как собака, ступни себе до крови стер,
Я почувал: живым мне не выйти из этого плена.
Но дополз до опушки — и вижу: пылает костер,
И старик у костра с бородою седой до колена.
«Здравствуй, мил человек, —

говорит мне спокойно старик

И приветственно машет своей суковатой клюкою, —
Я волшебник лесной, — говорит, —

от людей я отвык,

За сто лет позабыл я уж начисто, что вы такое.
Ты расскажешь мне все о заветных желаньях твоих,
А уж я тебе, милый, за это их тут же исполню!»
Я хотел засмеяться в ответ, но смущенно затих,
Потому что заветных желаний я так и не вспомнил.

Денег вроде и так мне хватает, чтоб досыта есть,
А коль будет их больше — вино меня быстро погубит;
Есть гитара — семь струн, и любимая женщина есть,
И вполне может быть, что она меня тоже полюбит;
Недостатки здоровья, быть может, исправят врачи,
А подохну чуть раньше — да черт с ним,
подумаешь, горе!

«Ничего мне не нужно. Прости уж, старик.

Не ворчи», —

Я сказал это вовсе не в качестве повода к ссоре.

«Что ж, ступай себе с Богом, —

таков старика был ответ, —

Как вернешься домой —

погляди между делом в оконце:

Я на память тебе подарю ярко-красный рассвет,

Я на память тебе подарю ярко-белое солнце».

Я домой возвращался —

как будто шагал на расстрел,

Я все думал:

о чем бы еще я его попросил бы?

А потом я проснулся.

И сразу в окно посмотрел.

И, увидев рассвет, прошептал еле слышно:

«Спасибо».

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Грязный город уснул, фонарями согретый;

Загулявший трамвай замедляет свой бег...

В эту ночь, никакой не предсказан приметой,

Начал падать с небес

самый первый и девственный снег —

Все елки и палки,

Помойки и свалки

Он грудью своей накрывает;
 А в темном дворе, где горою в углу кирпичи,
 Скрипач одинокий волшебную песню играет,
 Под звуки которой танцуют снежинки в ночи.

Я б давно уж себя схоронил в сером хламе,
 Я бы заживо сгнил, а теперь — не хочу.
 Со снежинкой шальной я сливаюсь губами
 И, сквозь слезы смеясь,
 белым снегом над миром лечу.

Волненьем объятый,
 Я верую свято
 В твое белоснежное чудо,
 Что гладит смычком по издерганным струнам души...
 И бог тебя знает, зачем ты пришел и откуда.
 Поверь, не такие концерты сулят барыши.

Но играет скрипач — и смеется, играя.
 Ах, как скрипка поет! Ей неведом предел.
 Все укрыл белый снег, и от ада до рая
 Новорожденный мир
 в эту ночь непорочен и бел.

Ковер серебристый,
 Огромный и чистый,
 Из снега и музыки соткан.
 Вся мерзость под ним исчезает как будто навек...

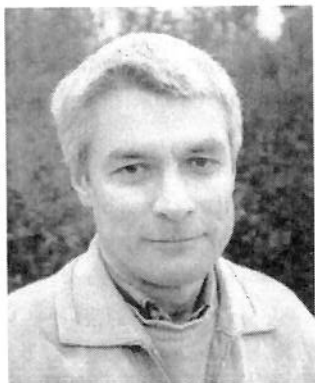
И всякая сволочь, повысунув рожи из окон,
Слезой прожигает лежащий внизу белый снег.

Звуки скрипки замрут. Я сперва не поверю.
Буду долго стоять, ослеплен тишиной...
А потом заскрипят и захлопают двери,
Возвращая с небес
нас к обыденной жизни земной.

Все будет, как было,
До боли уныло...
Я вспомню, что я небезгрешен.
Воскреснут, хоть тресни, болезни, дела и долги...
А снег будет с грязью за ломаный грош перемешан,
Когда спозаранку пройдут по нему сапоги.

**АНАТОЛИЙ
СЕРМЯГИН**

р. 1949

Анатолий Владимирович Сермягин — физик. Работал в ОИЯИ с 1971 по 1992 г. в Лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка начальником смены на установке ИБР-30 (до 1990 г.), затем старшим инженером в секторе низких температур ЛНФ. В настоящее время старший научный сотрудник Института физико-технических проблем (ИФТП) Минатома РФ.

* * *

Паутина на кустах
лета бабьего,
отпечаток на устах
крика слабого.

Ключья низких облаков —
мятых простыней,
день короток, бестолков —
дело к осени.

Задувает за окном
ветер с юга.
Мы сегодня отдохнем
друг от друга.

Мну опавшую листву,
роюсь в памяти,
милой образы зову,
да опять не те...

Отшумел июль-чудак,
грозы с ливнями.
Если где чего не так,
то прости меня...

* * *

Г. М.

Почему бывает сорок лет?..
Ты приходишь на работу в восемь.
Что-то есть, чего-то больше нет.
Не весна, но все-таки не осень!

Отчего бывает сорок лет?
Что ответить? Я храню молчание.
Не купить до юности билет,
с каждым годом больше расстояние.

Подбирая главные слова,
надо ли до миллиграмма взвесить?
Ведь тебе уже не тридцать два,
а, наверно, больше. Лет на десять.

Но, забыв дыхание весны,
покоренный проявлением естественности,
вижу я — в тебе воплощены
все мои понятия о женственности.

В мире беспрестанной суеты
сохраняешь возраст цвета нации.
Ах, как кружат голову цветы
белой, распутившейся акации!

* * *

Песок речей предельно сух...
Слова стираются, как камни,
И только в новых сочетаньях
Воспринимаются на слух.

АНАТОЛИЙ СИДОРИН

р. 1960

Анатолий Олегович Сидорин — физик. В ОИЯИ работает с 1995 г. — научный сотрудник Лаборатории ядерных проблем им. В. П. Джелепова.

Стихи А. Сидорина стали печататься в периодике с начала 90-х гг.

ПЕСЕНКА ПЬЕРО

Где-то за горами и лесами
домик есть под красной черепицей.
Там сверчок рассказывает сказки
кукле с голубыми волосами.

На фигурной клумбе перед домом
на заре роса засеребрится —
влажные, дурмящие розы
раскрывают пышные бутоны.

У окна, задумавшись, часами
в маленькое зеркальце глядится,
глядя гребнем непослушный локон,
кукла с голубыми волосами.

В зеркальце глядеться и глядеться,
глядя гребнем непослушный локон...
Осыпает клумбу лепестками
время года под названьем детство.

В суете и спешке жизнь проходит,
только иногда ночами снится
кукла с голубыми волосами
в домике под красной черепицей.

ПЕСЕНКА ЛИСЫ АЛИСЫ

Рыжая, рыжая, рыжая —
молода была — жарче пламени,
не один стрелок вострил лыжи
да ночей не спал, чтоб добыть меня.
Только слаще страсть испытал ли ты —
там, где грань остра, на пределе сил,
провести собак, от стрелков уйти,
огоньком мелькнуть — да и след простыл?
На ветру огонь догорел дотла —
и вокруг черно, и впереди ни зги,
да не жалею меня — я свое взяла,
лучше брось пятак убогой под ноги.

ПЕСЕНКА КАРАБАСА-БАРАБАСА

Хрипло кашляет мрак,
В ставни бьется пурга.
Утлый домик в горах
Заметает пурга —
Я смотрю, зачарован, на угли камина,
Над гаванской сигарой струйка сладкого дыма,
В красной глиняной кружке
Пинта темного пива —
Этот вечер я проведу один.

И злодей и герой —
Только грим на лице,

Доиграв свою роль,
Вместо точки в конце,
Я смотрю, зачарован, на угли камина,
Над гаванской сигарой струйка сладкого дыма,
В красной глиняной кружке
Пинта темного пива —
Этот вечер я проведу один.

АЛЕКСЕЙ СИСАКЯН

р. 1944

Алексей Норайрович Сисакян — физик-теоретик, доктор физико-математических наук, профессор. В ОИЯИ работает с 1968 г. в Лаборатории теоретической физики им. Н. Н. Боголюбова, с 1989 г. — вице-директор института.

Автор многих научных работ в области теоретической и математической физики, физики высоких энергий, в том числе ряда научно-популярных статей.

Впервые стихи А. Н. Сисакяна были опубликованы в 1962 г. в газете «Московский комсомолец». В 60-е годы как поэт он активно участвовал в студенческой самодеятельности на физическом факультете МГУ, но вновь стал публиковать свои стихи только в 1999 г. (Мой мир зарифмованный...: Стихи разных лет: Дубна: ОИЯИ, 1999). В последующие годы участвовал также в двух коллективных сборниках, его стихи печатались в журнале «Юность» (2000, № 7) и в других периодических изданиях.

В СТРАНЕ СТИХОВ

Здесь жизнь — строка,
дыханье — рифма,
Сердцебиенье — ритм,
угаданный меж строк.
И строгости здесь нету
алгоритма,
А каждая неискренность —
подлог...

2000

ХУДОЖНИК

Юрию Сосину

Лишь больше страдает,
немного,
Лишь чувствует тоньше,
чуть-чуть, —
А качества эти —
от Бога,
И в этом художника
суть...

2000

«ХОЧЕШЬ ЖИТЬ — УМЕЙ ВЕРТЕТЬСЯ...»

Нам в жизни суждено вертеться,
Чтоб одолеть тернистый путь...

Но не вернуть нам запах детства,
Улыбку мамы не вернуть...

1999

ПОЭТ

1.

Века проходят
 сквозь событий толщи,
Замешивая слезы
 на крови,
А он все пишет
 об одном и том же —
О Вере, о Надежде, о Любви!

2.

С расстановкой,
 не спеша —
Так люблю читать стихи я,
Даже если и плохие, —
Очищается душа.

3.

Неоткрытый Природы закон —
Он уже существует и правит...
Стих, еще не написанный, — он
Уже жжет мою душу
 и плавит...

2000

БЕССОННИЦА

Мозг, ерундой перегружен,
Вывел простейшую из теорем:
Если хоть одному ты нужен —
Значит, ты нужен всем...

2000

* * *

Опять Весна чуть влажными губами
Коснулась улиц, голубых от неба,
И запестрила яркими от света
Платками девушек, от счастья милых.

Весна прошла несмело по газону,
Хотя на то запрет наложен строгий.
Траву она нисколько не измяла,
Зеленую от солнечных лучей.

Зато газон цветки теперь тарачит —
От удивленья желтые копейки.

Весенним днем и я хожу веселый.
Вы видите, что я иду не грустный
От девушки, которая не любит?

1960-е

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Памяти дочери Ани

Колокольчики на улицах
Зазвенели майским днем.
Мне твой смех, Анюта, чудится.
Сколько счастья было в нем...

Сверстники твои ершистые,
Юные выпускники,
Рвут в садах сирень душистую,
Бродят вдоль Москвы-реки.

Скоро стала бы филологом
Ты, Алешкина любовь...
Да цветы нависли пологом
Нежно-голубых тонов

Над твоим портретом в Кунцеве,
Где березки гнется ствол...
А из школы, что за умница,
К нам Алеша твой зашел.

Он рассказывал доверчиво
Всё про школьные дела...
И ему, как нам, не верится,
Что навеки ты ушла...

24 мая 1986

АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

А сегодня в четыре
тебе

Исполняется
тридцать,

И шепчу я в мольбе:
«Ты должна мне присниться...»

И скажу я во сне,
Жаркий воздух глотая:
«Без тебя худо мне,
Ты моя золотая».

Улыбнешься в ответ
Ты улыбкою робкой
И прильнешь, милый свет,
Своей русой головкой...

Только сны коротки,
И кончаются сказки.
Раскрывают на солнце цветки...
Анютины глазки.

6 мая 1999

ОТЦУ

От тебя мне судьба досталась,
И когда-нибудь поутру
Не сердечною «недостаточностью»,
А избыточностью помру...

1980-е

* * *

Стихи —
 не лестница: забраться
На Геликон или Парнас,
Стихи —
 фонарик: разобраться,
Что там, под ребрами
 у нас.

1980-е

ДИАЛЕКТИКА

На ту или иную
 набрели
Мысль
 в давнем споре с небесами.
...Но каждый раз то
 повторяем сами,
Что древние до нас
 изобрели.

1980-е

ПОДМОСКОВНЫМ ВЕЧЕРАМ

Мы так ушли вперед —
не верится,
Что с Космосом почти на ты,
Но так же вдруг защемит
сердце
От этой тихой Красоты...

1980-е

ТВОРЧЕСТВО

1.

Если трудно дышится —
Все равно дыши.
Если трудно пишется —
Не пиши...

2.

Если Ты
не полюбишь очень,
То любовь моя —
просто грехи...
Если Ты
не прочтешь эти строчки,
Значит —
это пока не стихи.

1980-е

* * *

В. Г. Кадышевско-му

И, Чаадаеву

под стать,

Меня шальная мысль

преследует,

Что роль России —

показать,

Каким путем

идти не следует...

1999

* * *

«Что на земле источник

силы? —

Однажды сам себя спросил. —

Любовь друзей, улыбка милой,

Безмолвье родственных

МОГИЛ».

1990-е

* * *

Жизнь — временна, плоха иль хороша,

Вельможи жизнь, поэта или смерда...

Так почему же мается душа,

Не знает, что ли, что она бессмертна?

1990-е

* * *

Из всех загадок бытия
Я разгадал одну.
От одиночества в миру —
Спешим найти жену.

От одиночества в миру —
Мы тянемся к друзьям,
К вину... О, это понял я,
Как понял ты, Хайям!

1970-е

КРАСОТА

С волной волос, упрямо зыбкой,
Что будто пляшут на лету,
Курносой, с теплою улыбкой
Я представляю красоту.

1960-е

* * *

Наташе

Откуда у случайной встречи
такая власть —
Моя судьба с твоей судьбою
пересеклась.
Я ненавязчивой рукою
благословлен.

ПОБАСЕНКИ ДЛЯ НАСТЕНЬКИ

Люблю я снег

в конце апреля,

Когда продрогшая Весна

Свои откладывает трели,

В мороз, быть может, влюблена.

Снег тихо тает на листочках,

И впору поиграть в снежки,

Что и намерен сделать

с дочкой,

Лишь только допишу стишки...

1999

ОТКРОВЕНИЕ

1.

Как много памятных мгновений

Наш мозг загадочный хранит,

Их скульптор воплотил в гранит,

Поэт — в строку стихотворенья...

Но гимном чувству своему

Звучит поэту одному

Открывшееся откровенье:

«Я помню чудное мгновенье...»

2.

Стихов рожденье — не работа,
А чудо, таинство рожденья
На свет... Пусть без любви и пота
Не явится стихотворенье.

А корень чуда — непреложно —
Жить полной грудью, только жить...
Служить поэтом невозможно,
Как можно писарем служить.

3.

Он тоже в муках просыпался,
Когда весь дом в ночи утих,
И из души к Наталье рвался
Рожденный им бессмертный стих.

«Наташа, милая, послушай...»
Но, всем красавицам под стать,
Ответ был: «Не мешай мне спать...»
И был тот миг рыданьем душен.

1990-е

НАШЕ КИНО

Сестре Людмиле

Наша жизнь никуда не годится...
Пусть не любим мы ближнего, но
Все ж давайте друг другом гордиться,
Словно в заокеанском кино.

2001

* * *

Памяти брата

Твой ответ
 не прозвучит словами
На вопрос,
 поставленный в упор...
Ты ушел,
 но в мыслях между нами
Может быть
 продолжен разговор.

2001

* * *

Твердим, заботясь о прогрессе,
Что человек хороший — не профессия.
Итог — вокруг профессионалы,
Ну а людей хороших мало...

2000

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Где мои Олимпийские игры,
Их страстей запредельный накал,
От рекордов сведенные икры?
Я в число игроков не попал...
И ни разу на финише первым
Грудью ленточку не уносил,
Но играл, но любил, портил нервы
И стремился вперед что есть сил...
И в тумане полночного бреда
Мне привиделся жизни итог:
Жизнь прожить — это тоже победа,
Если выполнил все, что ты мог.

2000

* * *

«Тихо угаснуть в кругу своих близких —
Это хороший конец...»
Скучную байку придумал хитрец,
Чтоб удержать нас от риска...

2001

ЕВГЕНИЙ УСТЕНКО

р. 1923

Евгений Петрович Устенко — инженер-конструктор научно-экспериментальных установок и приборов. Работает в ОИЯИ с 1956 г., в настоящее время в должности ведущего конструктора. Участник Великой Отечественной войны. Имеет как боевые, так и трудовые награды.

Стихи пишет со школьных лет. В ОИЯИ известен как автор стихов для дубненского самодеятельного театра «ДУСТ». Печатался только в городской периодике — стихотворения ко Дню Победы и лирика, а также в сборнике «Объединенному институту ядерных исследований — 40 лет» (Дубна: ОИЯИ, 1996).

ЗЕМЛЯНЕ

В горении мысли нестерпимо ярком
Как осознать бездонность черных дыр,
Загадочность невылетанья кварков
И тахионно-беспричинный мир,

Что сущность Времени материальна
И масса искривляет свет,
Что Красота фундаментальна
И у Вселенной края нет?!

Взболтнув случайно радужный шампунь,
Увидеть вдруг на той модели пенной,
Как музыка релятивистских струн
Вспухает раздуваемой Вселенной.

Таинственно, торжественно и грозно
Листалось Время миллиарды лет,
И, вспыхивая, зарождались звезды
И жизнь! в тепличном мареве планет;

И где-то там, в немыслимой дали,
Где Солнышка ничтожная лучинка,
Кружит сегодня теплая песчинка —
Земля! И мы в объятьях той Земли —

Где Человечество нашло приют,
И разум обрело подарком,
И возвело дерзанье в абсолюте
В гореньи мысли нестерпимо ярком.

ВОЛНА

Всепробуждающая катится волна!
Хрусталь сосуллек обметал карнизы.
Природа вновь нам оформляет визы
В страну, где буйно царствует весна.

И март, настроив звонкую струну
(И что-то в этом есть от наважденья),
Как вздорную капризницу, весну
Ведет отметить праздник возрожденья.

И снова забесчинствует гроза
И деловитым громом загрохочет,
И будет мне досуг глядеть в глаза,
Бездонные и черные, как ночи.

И разлетятся, брызнув, небеса,
И разомкнутся в синь густую очень,
И будет мне досуг глядеть в глаза
Твои родные, черные, как ночи.

Вот песнь моя — и я ее сверчок,
И я хочу, чтоб это вечно длилось.
Я счастлив, что во мне на этот счет
За годы ничего не изменилось.

ЕВГЕНИЙ ФЕДЮНЬКИН

1940–1999

Евгений Дмитриевич Федюнькин работал в ОИЯИ с 1965 г. В 1990 г. был избран депутатом Дубненского городского совета.

Стихи начал писать с конца 50-х гг. Преимущественно «в стол». В 1968 г. научно-фантастический рассказ «Комплекс неполноценности» опубликован в журнале «Знание — сила». В 1989 г. Е. Д. Федюнькин являлся издателем, редактором и автором художественно-публицистического электронного журнала «Инсайт». В 1989–1990 гг. публицистические заметки, листовки, фельетоны публиковались в основном в самиздате, то есть «на заборах», и пользовались большим читательским успехом. В конце 80-х и в первой половине 90-х гг. публицистика печаталась в дубненских городских и московских областных газетах. Историко-публицистическое эссе «Склока о полку Игоре» опубликовано в 1997 г. в городской газете «Вести Дубны», с 1999 г. — в Интернете.

В 90-х гг. отдельные стихотворения печатались в дубненской периодике. В 2001 г. в издательстве «Агат» вышел посмертный сборник стихов, стихотворных циклов и поэм Е. Д. Федюнькина под общим названием «Антиномии».

* * *

Двуногое животное приходит ко мне в дом,
открывает холодильник и шепчет:

«Давай! Что там у тебя?»

Двуногое животное блюет в коридоре,
и ангельское благолепие обволакивает
воспаленный блеск его зрачков.

Я изучаю животных.

Я хочу знать, что у них находится там,
где у меня грохочет вселенная.

Это просто, если объект моего интереса —
порождение слепой и безмозглой силы,
которая заставляет обросшие шерстью
существа вопить:

«Я — самый-самый!»

Но мое животное — талантливо.

И поэтому попытается превратить меня
в продолжение конечностей,
посредством которых оно ощупывает мир.
Все животные любят истину,
все животные верят,

что это — вся истина.

Время грохочет над нашими головами,
падающие звезды взрываются
в ультрамариновых небесах.

На ярмарочной площади

 под свист скоморошских дудок
кружится карусель рождения и смерти.
Но послушайте! Я — тоже безумно талантлив,
настолько талантлив, что опасен для общества!
И поэтому я раскрываю классификацию Линнея
 и нахожу,
что я — тоже животное.
Люди! Возлюбите детей и животных!

Дубна, 3.05.1985

* * *

**Из поэмы «Сады Эдема»,
часть 6, отрывок**

Я живу возле Волги и вижу
Легкий бег кораблей из окна.
Отдаленные страны мне ближе.
Называется город — Дубна.

Здесь медлительно-белые танкеры
Гулким басом кричат по утрам
И буксиры пронзительно рывкают
Шаловливым цветным парусам.

Как большие дома, теплоходы
До Москвы шлюзования ждут,
И беснуется уйма народа,
И оркестры гремят на борту.

А вокруг, между елей и сосен,
Ходят лоси, топорща горбы,
И приносит в лукошке нам осень
Золотые дожди и грибы.

Возле леса — холмистое место,
Это скопище братских могил —
Кости зэков, лежащие тесно.
Я не знаю, друзья иль враги

Опочили. Никто не ответит.
Миновалось, а память — слепа.
Иногда любопытные дети
Достают из земли черепа.

Этот город, основанный Берией
Между речек и мокрых болот,
Был когда-то — вы мне не поверите —
Государственной мощи оплот.

Над конструкцией атомной бомбы
Размышляли за чаем умы —
Основательно, тихо, без помпы.
Чем теперь занимаемся мы?

Канул в вечность кровавый Лаврентий,
И восходят ромашки на ранах.
Я давно уже в вечер весенний
Не встречал постаревших охранников.

Мы теперь занимаемся физикой —
Симметрии, частицы, поля.
Парадоксами, спорами, риском
Наполняется снова земля.

Дубна, январь-февраль 1983

* * *

За окном
с шумом и криком
играют дети.
«Почему они играют именно здесь?!» —
удивляется жена.
Потому же,
почему весенний ливень
низвергает потоки серебряной влаги
именно на наши головы.

*Дубна, 18.05.1998**

* * *

**Из цикла «Игра»,
раздел «Эротика», подраздел 2**

Это — завтра, в сжигающем солнце,
Это — завтра, в улыбке снегов,
По долинам дождей и молний,
По ступеням несказанных слов

*Последнее стихотворение, написано автором во время болезни.

Я приду. В фиолетовых скалах,
Где когда-то встречались мы,
Раз в столетие голос кимвала
Воскрешает тебя на миг.

Из цикла «Антиномии»

АНТИНОМИЯ ВРЕМЕНИ

Он достанет из пыльных архивов
Наши книги железной рукой,
Пролистает наш бред торопливый,
Прочитает строка за строкой.

О, какие создаст он легенды,
О, какие построит дворцы
Из цветастых обломков вселенной,
Вероятному вопреки!

Но воскликнет крапивное семя
Прямодушных, что логику чтут:
«Он кольцу алгоритмов не внемлет,
Он, как люди, бездарен и туп!»

Одинокая флейта тревожно
Пропоеет в развороты аллей,
Будто ты совершил невозможное
На прекрасной, как солнце, Земле.

* * *

Гортанный голос Нефертити
Притек ко мне издалека:
«Ты будешь царствовать в Египте
В давно прошедшие века.

К твоей сверкающей столице
Придут золотые колесницы,
Чтобы сложить царей поклон
У ног твоих, мой фараон!»

Заколебались пирамиды,
И треснули земли окраины,
Когда у статуи Изиды
Я умирал на красном камне.

Окончится мое небытие,
И я, поднявшийся из праха,
Увижу снова Нефертити
Сквозь белый камень саркофага.

АНТИНОМИЯ АВТОРА

Тихий месяц встал над домом,
В тусклой дымке скрылись гномы —
Зазвучал усталый хор
Из-за снежной крыши гор.

И мгновенно звезд лампы
Покатались сквозь листву...
Светлой ночью листопада
Умер я или живу?

Дубна

* * *

О мир моей мечты,
Возвышенный и стройный!
Тебя я сотворил —
Тебя я недостоин.

Вот я перед тобой —
Бескровный и надменный,
Как Бог, творю миры,
Как нищий, дар приемлю.

Дубна

**РОБЕРТ
ХАРЬЮЗОВ**

р. 1930

Роберт Васильевич Харьюзов — радиофизик, кандидат технических наук. В ОИЯИ работает с 1963 г. в Лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка, старший научный сотрудник — консультант.

В 1978 г. самиздатом был выпущен поэтический сборник Р. В. Харьюзова «Натюрморт с нейтронами».

* * *

Случалось вам среди ночей,
Проснувшись, клясть содом грачиный?
Нет? В вашем парке нет грачей?
И парка нет? Есть две осины?
В них средь уродливых ветвей
Всю ночь от зóри до зари
Счастливый, черт его дери,
Судьбой играет соловей?
У вас под окнами такого нет?
Гудит трамвай, грохочет ТУ в полете?
Любезнейший! Зачем же вы живете?
Какого дьявола коптите белый свет?
Езжайте к нам — у нас всего навалом:
Грачи, кукушки, зяблики, скворцы,
Морковь, редис, петрушка, огурцы
И мудрецов — вози хоть самосвалом.

* * *

В марте солнышко искрится
В голубых мехах зимы,
В марте радуются птицы,
В марте радуемся мы,
В марте небо голубеет,
В марте лед сгоняет Волга,
В марте женщины добреют,
Правда, очень ненадолго.

Март — волшебник в синей феске,
Март — певец грядущих смен,
Март — творец контрастов резких,
Царь измен и перемен.

* * *

Если бы кто сказал:
«Сегодня бежать на вокзал», —
Я бы не возражал,
Я бы побежал.
Я бы бежал сквозь даль,
Я бы бежал сквозь ночь,
Я бы не опоздал,
Был бы к сроку, точь-в-точь.
Усталости я б не заметил,
Я бы принес цветы,
Я бы тебя встретил —
Лишь бы приехала ты.

ВСЕВОЛОД ЦУПКО-СИТНИКОВ

р. 1930

Всеволод Михайлович Цупко-Ситников — физик, доктор технических наук, профессор, консультант дирекции ЛЯП ОИЯИ. Работает в Дубне с 1954 г. (Институт ядерных проблем), с 1956 г. по настоящее время в Лаборатории ядерных проблем им. В. П. Джелепова.

Автор и соавтор 200 печатных научных работ, в том числе одной монографии.

Стихи публикуются впервые.

МУРАВЬИ

Мы, может быть, как муравьи,
Что копошатся у дороги,
Спеша решать дела свои,
Не понимая суть тревоги, —

Когда беспечною ногой
Мы давим их, круша проходы,
Вершим бездумно их судьбой,
Детей загадочной Природы.

Хотя у нас — иной размер,
Но так же мы в том Мире малы,
Что не понять его нам Сфер
И шаг стопы его усталый.

Май 2000

ВСТРЕЧА С БЕЛЛОЙ АХМАДУЛИНОЙ

Я с любопытством шел на встречу:
Ну — чем живет поэт сейчас?
Взывает он, как Минин, к вечу,
Подняв тревоги полный глас?

Иль прежней лирикой напевной
Чарует сердце и умы,
Чураясь темы злободневной,
В которой так погрязли мы?

Я ждал аншлага. Без билета
Пришел, признаюсь, на авось...
Но все ж известного поэта
И мне послушать удалось.

Зал полупуст. И много женщин.
Нет завсегдатаев кино.
Изыск любителям обещан.
А мода — нет ее давно.

Сейчас мы любим экономов
И политических вещал.
В эпоху мертвых гастрономов
Им обеспечен полный зал.

И вот вошла. Все с челкой той же.
И тот же голос и распев.
И все смущается, похоже,
Ничуть, ничуть не постарев.

И я поплыл на плавных волнах
Ее возвышенных стихов,
Подъема внутреннего полных,
Былинно-вещих снов и слов.

Просты, бесхитростны сюжеты:
Из жизни случай, эпизод...
Но ум изысканный поэта
Им смысл значимый придает.

Как в капле виден ей и в малом
Весь мир схлестнувшихся страстей,
И наши дни, что стали залом
Для непродуманных затей.

Вся наша прошлая убогость,
Великих душ трагизм и боль...
Скорбит о них девичья строгость,
Но вместо слез — сухая соль.

И беззащитная отвага,
И верность вечная себе,
И непокорность — вместо флага
На незапятнанной судьбе.

Последний звук стиха растаял.
Ушла напевная волна.
Но зал, в безмолвьи пребывая,
Оцепенел, застыл до дна.

Как аргонатов песней чудной,
Заворожила нас она.
Для нашей жизни — злой и скудной —
Стихи ее — глоток вина:

Глоток замученному жаждой,
Глоток уставшему в пути...
И ощущаешь клеткой каждой,
Что можно Мир еще спасти —

Коль есть в нем искренность
и чувства,
И сохранилась красота,
И бескорыстного искусства
Еще не сомкнуты уста.

24–30 декабря 1990

ЗИМА В ОКТЯБРЕ

Березы сыпят желтый лист
На белый ранний снег...
И небосвод прохладно чист
В бездонной синеве.

Пылает лиственниц костер
На фоне голубом.
И поля выбелен простор.
И дым стоит столбом.

Какая тишь, какой покой...
И красок новизна:
Мир — бело-желто-голубой —
Явился — как из сна.

Застыли Холод и Краса
В величии на миг...
Природа дарит чудеса
Из рукавов своих.

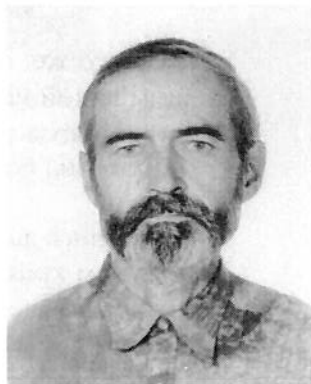
Жаль все же: осень оборвал
Зимы лихой налет —
Своих я ягод не собрал,
Не исходил болот.

Не сбылись давние мечты —
В глухом краю пожить...
Но миг волшебной красоты
Уже мне не забыть.

Октябрь 1992

**ЛЕОНИД
ЧЕРНЕНКО**

р. 1946

Леонид Прокопьевич Черненко — физик, кандидат физико-математических наук, действительный член Академии экологии и природопользования. В ОИЯИ работает с 1972 г., в настоящее время — старшим научным сотрудником в Лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка.

Стихи ранее не публиковались. Однако через Интернет в письмах к друзьям и новым знакомым в 1999–2001 гг. распространил около 500 своих стихов под псевдонимом Буда Чернец (см. <http://www.jinr.ru/~chern/>).

* * *

Снова ветер под вечер
 уносит росы
До рассвета в облака.
Твои волосы в косы
Заплетает ласка рук.
Левая рука
 на твоём плече,
Правая у чела.
Встреча наша, быть может,
 совсем недалече.

Свече
 не дадим погаснуть
 в ночи.

Нектар собирала пчела
И сказала цветам,
Что на лугах, там,
Где ткань травы высока,
Мы спрячем фант и фант.
До свидания, пока!

* * *

Телефон молчал.
Лишь длинные гудки
Напоминали мне закон начал.
Ты приготовил незабудки
Рано,
Не спеши!

Она, быть может,
Тоскует тоже.
Ей в тиши
Твой голос лечит рану...

* * *

Как если б мог выразить я
В едином лишь слове «люблю»
Порыв свой и страсть.
И если б столь строгое слово
Томление вызвало вновь.
Как ветер в открытое море
Влеченье дает кораблю,
Стремленью мечты бы оно
Поставило парус косой.
Вращенье Земли бы тогда
Наполнило смыслом года.
И счастье б нам снилось всегда
В улыбках расцвеченных снов,
К почти пробуждёнью маня.
Скажи, что ты любишь меня,
Скажи...

**ВЕРА
ЧЕРНОГОРОВА**

р. 1932

Вера Александровна Черногорова — физик. С 1958 по 1969 г. работала в ОИЯИ младшим научным сотрудником в Лаборатории ядерных проблем им. В. П. Джелепова. Она является автором и научных публикаций, и многих научно-популярных статей, опубликованных в московской периодике, а также печатавшихся в дубненских газетах очерков о художниках и выставках живописи.

Издательство «Молодая гвардия» в серии «Эврика» выпустило научно-художественную книгу В. Черногоровой «Загадки микромира» (1973; 1978), отмеченную дипломом на Всесоюзном конкурсе общества «Знание», и книгу «Беседы об атомном ядре» (1976). Обе книги были переведены на многие иностранные языки. С 1974 г. В. Черногорова — профессиональный литератор, член Московского союза литераторов. Ее стихихайку регулярно публиковались с 1999 г. на «Литературной странице» газеты «Площадь мира». Они включены в «Антологию дубненской поэзии» (Дубна, 1999) и в художественно-публицистический альманах «На рубеже веков и тысячелетий» (Дубна, 2000). Большая часть ее стихов вошла в авторский сборник «Палитра жизни. Русские хайку» (Дубна, 2000).

* * *

Шаркая дождем,
Вздыхая ветром, осень
Грустная брела.

* * *

Мечта о лете
У реки, в лепестках льда
Засыпающей.

* * *

Снежинки в танце
Кружатся над лицом и
В хоровод зовут.

* * *

Прихотливо двор
Исчерчен прогулками
Шаров из снега.

* * *

Как монистами,
Звенит река-цыганка
Льдинками весной.

* * *

В море душистом
Сирени уплываю
Сама от себя.

* * *

Поток бурлящий
Радугой повязан, как
Дикий конь уздой.

* * *

Несется балкон
В небесах на парусах
Белых простыней.

* * *

Прошел июль весь
Куст жасмина белыми
Цветов стежками.

* * *

Солнце с дорожкой
На воде — горящая
Свеча заката.

* * *

Замерший опят
Кордебалет увидев,
Замерли и мы.

* * *

Луч темноту снял
С вазы. Кто снимет с сердца
Моего печаль?

* * *

Дерево-камень —
Времени сгусток — наше
Течет сквозь годы.

* * *

Что лучше: считать
Минуты Времени иль
Плыть, как рыба, в нем?

* * *

Конь величавый,
Неведомый — он мечты
Скакун расписной.

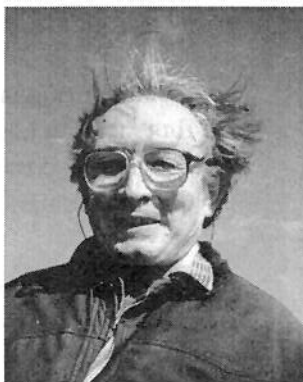
* * *

Белую ниткой —
Зиму, желтой — солнце. Тку
Жизни гобелен.

Ноябрь 2000

ЕВГЕНИЙ ШАБАЛИН

р. 1936

Евгений Павлович Шабалин — инженер-физик, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, лауреат Государственной премии СССР и Премии Правительства РФ. В ОИЯИ работает с 1959 г. в Лаборатории нейтронной физики им. И. М. Франка, в настоящее время — начальник сектора ядерной безопасности и радиационных исследований.

Является автором нескольких научно-популярных статей об атомной энергетике, опубликованных в журналах «Наука и жизнь» и «Юность», а также в местной прессе. Известен в ОИЯИ как автор любительских пьес и «капустников».

* * *

Нежный образ женщины любимой
Для меня всегда неповторимый.
В памяти, с готовностью открытой,
Он течет, неясный и размытый.

Я в лицо заклятому врагу
Раз взглянул — забыть уж не могу.
Вспомнить друга верного — пустяк,
Но ее, любимую, — никак.

Этот образ — вечное движенье,
Он в душе моей отображенье
Хоровода мыслей лишь о ней
И мечты недоспанных ночей.

Те мечты... Они звенят и рвутся,
До небес вдруг радостно взовьются,
То в ущелье темное падут...
Образ милой близко, где-то тут.

Вот он профиль нежный, дорогой.
Я почти дотронулся рукой...
Но исчез, растаял он, как дым.
Вновь возникнет, но совсем другим.

.....

Сотни лиц и взглядов выраженья
Помню, как таблицу умноженья.
Только образ женщины любимой
Для меня всегда неуловимый.

* * *

Который год весна идет,
В который раз она настанет.
Природа жить не устает.
А человек порой устанет...

И в час болезненный и злой,
Когда весь мир ему — отравя,
Вдруг вспомнит тихий голос твой
И сердца прежние забавы.

Он имя нежное твое
Рукой слабеющей напишет
И будет повторять его,
Пока живет еще и дышит.

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Фонтан любви иссяк... И с ним
Пять роз безвременно увяли...
Так что ж, волнением томим,
Мечусь, как бабка на вокзале?

Зачем ловлю забытый взгляд,
В его лучах остывших греясь?
Затем, что сохранить надеюсь
Я память сердца — лучший клад.

МИХАИЛ ШАБАШОВ

1945–1998

Михаил Федорович Шабашов работал в ОИЯИ научным сотрудником с 1970 по 1998 г., в последние годы — в научно-экспериментальном отделе фазотрона Лаборатории ядерных проблем им. В. П. Джелепова. По результатам научной работы им опубликовано более 20 статей в российских и иностранных журналах.

Стихи М. Ф. Шабашова стали печататься в дубненской прессе (газеты «Вести Дубны», «Встреча») с 1993 г. В 1998 г. он выпустил самиздатом сборник стихотворений.

О ВОЙНЕ

Не хочу войны,
 А хочу я слышать,
Как из тишины
 Выползают мыши,
Как журчит родник,
 Как шуршит тростник,
Как летит пчела,
 Как звенит пила,
Как гудят шмели,
 Колокол вдали,
Как ползут ужи,
 Говор у межи,
Как поют друзья.
 НО! ВОЙНА! НЕЛЬЗЯ!

ТЕРПЕТЬ!

Жизнь гораздо сложнее,
 чем рассказы о ней,
Для того, кто не может терпеть.
Кто никак не усвоит,
 что бренны мы в ней
И спешить надо песню пропеть.

И людская душа
 все ж не так хороша,
Как поэты пророчат о ней.

Не поймешь, их читая,
ты в ней ни шиша —
Только чувствовать станешь больней.

Говорят нам: «Живи,
все закаты — твои,
А восходы — дели пополам».
Но не скажут они
о продажной любви,
А полезно бы знать это нам.

ВИНСЕНТ ВАН ГОГ. КРАСНЫЕ ВИНОГРАДНИКИ

Виноградники рдеют в садящемся солнце,
Уходя в горизонт, золотится река.
Скоро вспыхнут огни в зажелтевших оконцах,
Потемнеют летящие ввысь облака.

И прохлада придет вместо знойного жара,
И получит Винсент долгожданный покой.
Только поздно, художник сожжен, но не даром,
Ослепляющим Арлем и смутной тоской

Человека, себя отдававшего людям
В шахтах, в церкви, в холстах, не дающих куска.
Потому-то и в нас, позабытая, будет
Вырастать эта чистая боль и тоска.

ТАНЕ

Оживает в апреле земля,
Пробуждаются к жизни цветы,
Льется свет в голубые поля, —
Появилась в апреле и ты.

Как подснежника чудо вовек,
Как подарок и образ Творца,
Неразгадан, хоть мал, человек,
Продолжающий мать и отца.

Беззащитен росток тот и слаб,
Но ему явлен мир, и от века,
Одолев за ухабом ухаб,
Утверждается дух человека.

Так и ты, деревцом вырастая,
Только к Свету тянись всей душой.
Снег в апреле ручьями истает,
Чтобы слиться Любовью большой.

**ПАВЕЛ
ШИШЛЯННИКОВ**

р. 1933

Павел Тимофеевич Шишлянников — радиоинженер, кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Работает в ОИЯИ с 1959 г. в Лаборатории ядерных проблем им. В. П. Дзелепова, в настоящее время — главным инженером фазотрона.

Стихи П. Т. Шишлянникова печатались в дубненской прессе.

КТО НЕ ЛЮБИТ ЭТУ ПОРУ...

В. П. Железову

Кто не любит эту пору
Таянья снегов!
Вышли реки и озера
Вновь из берегов.

Потеплеет очень скоро
Талая вода.
Как не вспомнить в эту пору
Прошлые года!

Вспомнить, как почти полвека
Минуло с тех пор,
Как Дубну второю Меккой
Окрестил Нильс Бор.

Будущим лауреатам
Не давала спать
Воля влезть поглубже в атом,
Что в нем, разузнать.

И за парту дружно сели
Шеф, стажер, солдат,
И носили кто шинели,
Кто морской бушлат.

И слились в одном потоке
Мыслей ручейки.
И Вы встали у истоков
Творческой реки!

В заключенье у поэта
Пожеланье есть:
Пусть до устья речки этой
Будет верст — не счесть!

ФАНТАЗИИ

Акростих

Жене сготовлю я обед.
Ей я поднос в постель подам.
На нем — бульон с огня, лангет,
А на десерт — вино «Агдам».

Веснушки заселили вновь
Античный носик — гордость дам.
Разрежь лимон, моя любовь,
И опусти его в «Агдам».

Один глоток. Другой. И пуст
Бокал, коснувшись нежных уст...
Его б и я испил до дна,
Да стирка ждет. Не до вина...

НАТАША РОСТОВА И САША

«Войну и мир» читал мой Сашка
И вдруг вскочил из-за стола:
«Твоя хваленая Наташка
Андрея подлю предала!»

Я успокаивал парнишку:
«Она вернется. Не беда!»
«Не выйдет! Больше к этой книжке
Я не притронусь никогда!»

Спустя два дня, как вор, украдкой,
Раскрыл я книжку. Боже мой!
Лежала книжная закладка
Перед последнею главой.

ВЛАДИМИР ШКУНДЕНКОВ

р. 1938

Владимир Николаевич Шкунденков — доктор технических наук. В ОИЯИ работает с 1962 г., в настоящее время — начальник сектора Лаборатории информационных технологий, директор Научного центра исследований и разработок информационных систем (коллаборация ЦЕРН–ОИЯИ).

Автор книги «Москва — старинный город» (Дубна: ОИЯИ, 1997). Статьи В. Н. Шкунденкова публикуются в журнале «Философские исследования»: «Время поглощается красотой», «Русское боевое оружие во второй мировой войне», «Иррациональное управляющее начало в научных исследованиях и разработках» (совместно с Н. Кульбергом, ЦЕРН), «Интернет и коллективный разум». Выступает под своим именем и под псевдонимом Владимир Воронихин. Написал одно стихотворение.

НОЧЬ НА ЧЕРНОМ ОЗЕРЕ

Может, завтра нас не будет,
Может, кто-нибудь другой
Позовет и все забудет,
Будет петь, как пели с тобой.

Пой, струна, звени, гитара,
Про надежду и любовь
Расскажи мне в песне старой,
Уведи меня тоской

За звездою голубою,
В лунном свете над водой
Нас свяжи одной судьбою.
Нет надежды? Никакой?

.....

Нет печали, нет разлуки,
Нет начала и конца.
Расчертив огнем, звезда
Протянула в небе руки —

Никуда. Одна вода
От нее засеребрилась.
Снова тьма. И снова мгла.
И тоска волной разлилась,

Набежала и устало
Расплескалась в камышах.

Взмах крыла. Чья тень пропала?
Месяц вышел в облаках.

Он всю ночь в тумане бродит
Безнадежно желтым светом.
Что он ищет? Не находит?
Даль светла. Но нет рассвета.

.....
Ни тоски, ни тайной муки,
Ни надежды, ни креста.
Гаснет пламя, стынут руки,
Тихо катится слеза.

<1960>

ЛЕОНИД ЯКУТИН

р. 1936

Леонид Никифорович Якутин — врач высшей категории. С 1967 г. работает в Дубне, в настоящее время — заведующий промышленно-санитарной лабораторией Центра государственного санитарно-эпидемиологического надзора МСЧ-9. Осуществляет промышленно-санитарный и радиационный контроль за условиями труда сотрудников ОИЯИ.

Стихи Л. Якутина публиковались в центральной печати: в газетах «Советский спорт», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Медицинская газета», «Москвичка», в журнале «Диалог».

Автор 14 поэтических сборников. Первый — «Верую» — вышел в 1991 г., два последних — «Я говорю с тобой, Россия» и «Созвездие любви» — в 2001 г.

СТИХИ НА ЗНАКОМЫЙ МОТИВ

С чего начиналась история
Сегодняшней нашей Дубны?
Какие идеи и скорости
К успехам ее привели?

Она начиналась с барачков,
Со ржавой болотной воды,
С зовущих куда-то плакатов,
Со споров до поздней звезды.

А может, она начиналась
С рождения первых детей,
Когда далека была старость,
Зато было море идей?

А может, с научных открытий
Она начиналась тогда?
С признанья ее за границей
В совсем непростые года.

Она начиналась со многого,
Красавица наша Дубна.
Но будет оценкой итоговой:
С людей начиналась она.

Февраль 2001

МОЕЙ ЖЕНЕ ЗИНЕ

Сонет

Кому из нас с тобою повезло?
Загадка, право, та неразрешима.
Зачем поэту нужно ремесло,
Когда бы рядом не было любимой?

Мне Бог талант не для потехи дал,
Но чтоб, его трудом своим умножа,
Я женщину возвел на пьедестал,
Как ей природой на роду положено!

Сумел бы выполнить Творца наказ,
Когда-нибудь постигнут дети в школе,
А ты в веках предстанешь без прикрас —
И этим я уже вполне доволен.

Тебе в поддержку здесь моя рука.
Но крепче рук окажется строка.

05.11.1996

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕНЩИНА

Женщина последняя
На руках моих.
Милая, чуть вредная,
Успокоит вмиг.

«Ты моя любимая, —
Я шепчу ей вслед. —
Что ж ты смотришь мимо,
Улыбнись в ответ»!

Ах, глаза, глазищи
Волосы как шелк.
Кто-то счастье ищет —
Я свое нашел.

Сердца половинка,
Без тебя ни дня.
«Внученька, Алинка!
Поцелуй меня».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Татьяна Бек. Физики как лирики</i>	3
Дмитрий Блохинцев	7
Идеал	8
«Никто на свете не разбудит...»	9
Кокшага	9
Конь	10
Генрих Варденга	12
Аэродром	13
Дождь	14
19 ноября	15
Ночная вылазка	16
«На длинном стебле мой цветок...»	17
Письмо в больницу	17
«Моих болезней дароносица...»	19
Р. Мартиросову	19
Стихи о поэзии	20
Майская апология переводческого вольномыслия	22
<i>Из переводов</i>	
I. АНГЛИЙСКАЯ ЭПИГРАММА	
Уильям Блейк	
Эпитафия самому себе	23
Роберт Бернс	
На В. М. Грэхема	23
Надпись на могиле Гризеллы Смит	23
Хилер Бэллок	
Утомление	24
Гарри Грэхем	
Сэр Джон	24
Джастин Ричардсон	
Мужайтесь, неучи!	24

Анонимные авторы	
«И вовремя есть, и вовремя пить...»	25
Стихи, начертанные на оловянной кружке.	25
Эпитафия дантисту.	25
II. ГРУКИ	
Пит Хэйн	
Арифметика сотрудничества	26
Для отвода глаз.	26
Когда невежды	27
Парадокс жизни	27
Хотел бы.	27
При свече.	28
III. ЛИМЕРИКИ	
Эдвард Лир	
«От бодливой коровы есть средство.»	28
«Несчастье случилось в Шатэ...»	29
«Жил-был господин из Армении...»	29
«Мистер Глоткин, оратор из Итона...»	29
«Жил в Манчестере старый матрос...»	30
«Ну и путаник был старый Эдди...»	30
Анонимные авторы	
«У студента по имени Свани...»	30
«Жил-был Рэччи — широкие плечи...»	30
«Офицер при усах и при шпаге...»	31
Сергей Зинкевич	32
«Так безлюдно мне, как в темнице...»	33
Сюрприз	33
Александр Злобин	35
Белая ночь на водопаде Маманя.	36
Остров Дубна	37
«Этот город, родившийся в соснах...»	38

Александр Коваленко	40
Болгария	41
Юрий Козлов	42
Август, сентябрь, октябрь...	43
Зажги свечу!	44
Виталий Коновалов	45
Ратминская стрелка	46
«Сосредоточься на приятных мыслях...»	46
«Когда-то все бывает в первый раз...»	47
Герцен Копылов	48
Семинар	49
«Было дело на Луне...»	50
Николай Кульберг	54
Школьное сочинение	55
Геннадий Мазный	59
Индийские мотивы	60
Подарок себе	61
«Когда зажжется солнце синее...»	62
Любовь Майорова	63
«Как беден мир, когда в нем нет стихов...»	64
«Красивая женщина — и одинока...»	64
«Твои глаза умеют говорить...»	64
Игорь Мешков	66
«У Савеловской развилки...»	67
Почти по Блоку	67
Плохое настроение	68
Евгений Молчанов	69
«Мой костер догорал, словно песенка...»	70
«Время шумело и плакало...»	70

«Когда отхлынула толпа...» (Из цикла «Концерт Высоцкого», Дубна, 1979)	71
Сонет в марте	72
«Дела в порядок надо приводить...»	73
Юрий Обухов	74
«Ночь осенняя вновь расколота...»	75
«Убегают годы торопливо...»	75
Памяти Высоцкого	76
Весеннее	77
Нули	78
Юбилейное	78
Геннадий Ососков	80
Читая Мандельштама	81
Времена года в Дубне	81
Тамара Попова	83
«Блаженны...»	84
«Не знаю — что...»	84
«Мне-то что? Я всем родная...»	85
«Я глагол невзлюбила: ведь он созерцанью враждебен...»	86
Эльдус Сайфулин	87
Песня о волшебнике	88
Первый снег	89
Анатолий Сермягин	92
«Паутина на кустах...»	93
«Почему бывает сорок лет?..»	94
«Песок речей предельно сух...»	95
Анатолий Сидорин	96
Песенка Пьеро	97
Песенка лисы Алисы	98
Песенка Карабаса-Барабаса	98

Алексей Сисакян	100
В стране стихов	101
Художник	101
«Хочешь жить — умей вертеться...»	101
Поэт	102
Бессонница	103
«Опять Весна чуть влажными губами...»	103
Последний звонок	104
Анютины глазки	105
Отцу	106
«Стихи — не лестница: забраться...»	106
Диалектика	106
Подмосковным вечерам	107
Творчество	107
«И, Чаадаеву под стать...»	108
«Что на земле источник силы?..»	108
«Жизнь — временна, плоха иль хороша...»	108
«Из всех загадок бытия...»	109
Красота	109
«Откуда у случайной встречи такая власть...»	109
Еще раз про любовь	110
Побасенки для Настеньки	111
Откровение	111
Наше кино	113
«Твой ответ не прозвучит словами...»	113
«Твердим, заботясь о прогрессе...»	113
Размышления	114
«Тихо угаснуть в кругу своих близких...»	114
Евгений Устенко	115
Земляне	116
Волна	117

Евгений Федюнькин	119
«Двуногое животное приходит ко мне в дом...»	120
«Я живу возле Волги и вижу...» (Из поэмы «Сады Эдема», часть 6; отрывок).	121
«За окном...»	123
«Это — завтра, в сжигающем солнце...» (Из цикла «Игра», раздел «Эротика», подраздел 2)	123
<i>Из цикла «Антинолии»</i>	
Антиномия времени	124
«Гортанный голос Нефертити...»	125
Антиномия автора	125
«О мир моей мечты...»	126
Роберт Харьюзов	127
«Случалось вам среди ночей...»	128
«В марте солнышко искрится...»	128
«Если бы кто сказал...»	129
Всеволод Цупко-Ситников	130
Муравьи	131
Встреча с Беллой Ахмадулиной	131
Зима в октябре	134
Леонид Черненко	136
«Снова ветер под вечер уносит росы...»	137
«Телефон молчал...»	137
«Как если б мог выразить я...»	138
Вера Черногорова	139
«Шаркая дождем...»	140
«Мечта о лете...»	140
«Снежинки в танце...»	140
«Прихотливо двор...»	140
«Как монистами...»	140
«В море душистом...»	140

«Поток бурлящий...»	141
«Несется балкон...»	141
«Прошел июль весь...»	141
«Солнце с дорожкой...»	141
«Замерший опят...»	141
«Луч темноту снял...»	141
«Дерево-камень...»	142
«Что лучше: считать...»	142
«Конь величавый...»	142
«Белою ниткой...»	142
Евгений Шабалин	143
«Нежный образ женщины любимой...»	144
«Который год весна идет...»	145
Поздняя встреча	145
Михаил Шабашов	147
О войне	148
Терпеть!	148
Винсент ван Гог. Красные виноградники	149
Тане	150
Павел Шишлянников	151
Кто не любит эту пору...	152
Фантазии	153
Наташа Ростова и Саша	154
Владимир Шкунденков	155
Ночь на Черном озере	156
Леонид Якутин	158
Стихи на знакомый мотив	159
Моей жене Зине	160
Последняя женщина	160

Литературно-художественное издание

ФИЗИКИ — ЛИРИКИ

Сборник стихотворений сотрудников ОИЯИ

Ответственный за подготовку сборника *Г. Л. Варденга*

Редактор *А. Н. Шабашова*

Технический редактор *Е. Н. Водоватова*

ЛР № 020579 от 23.06.97.

Подписано в печать 14.03.2002.

Формат 70 × 100/32. Бумага офсетная. Гарнитура Гарамон.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,91. Уч.-изд. л. 5,82.

Тираж 1000 экз. Заказ № 53182.

Издательский отдел Объединенного института ядерных исследований
141980, г. Дубна, Московская обл., ул. Жолио-Кюри, 6.